

Глава 6

БЫЛ ЛИ ИМЭМО «ФИЛИАЛОМ» СПЕЦСЛУЖБ?

Западные партнеры ИМЭМО — в Стэнфордском институте в США, в Королевском институте международных отношений («Чатам Хаус») и Институте стратегических исследований в Великобритании, в Германском обществе внешней политики в Бонне, во Французском институте международных отношений и др. — знали, что их московские коллеги выполняют соответствующие заказы высшего партийно-государственного руководства и других правительственных инстанций. В этом не было ничего необычного, учитывая, что и они сами получали аналогичные задания от своих правительств.

В то же время на Западе иногда можно было встретить мнение об ИМЭМО как о некоем «филиале КГБ», где под видом ученых работают кадровые разведчики. Нередко к приезжавшим в западные страны в научные командировки сотрудникам ИМЭМО, особенно к тем из них, кто по молодости не успел еще приобрести известность в ученом сообществе, относились с определенным недоверием. Впрочем, с подозрительным отношением к себе иной раз сталкивались и маститые ученые. Надо сказать, недоверие было взаимным; оно порождалось жестокими нравами холодной войны. Приезжавшие в СССР иностранные ученые и специалисты, как правило, плотно опекались, а все их контакты в Москве строго контролировались.

Откуда же возникло представление о «родственной» связи ИМЭМО и советских спецслужб?

Я задал этот вопрос члену палаты лордов британского парламента Джону Роуперу, в 70—80-е годы плодотворно сотрудничавшему с ИМЭМО в качестве одного из руководителей британского «Чатам Хаус».

«А что вы хотите?» — ответил почтенный лорд, сохранивший самые добрые воспоминания о встречах с советскими коллегами¹ и питающий искреннее расположение к России. — Было известно, что в ИМЭМО работали

¹ Лорд Роупер тепло вспоминал Н.Н. Иноземцева, Е.М. Примакова, А.Н. Яковлева, О.Н. Быкова, М.М. Максимова, Е.С. Хесина и других представителей ИМЭМО, с которыми встречался на периодических заседаниях «круглого стола» в Лондоне и в Москве. — П.Ч.

*Дональд Маклэйн и Джордж Блейк*¹. Этого было достаточно, чтобы считать ИМЭМО «шпионским гнездом». Хотя сам я так не глумал, зная, что Институт работает на Центральный комитет и на Советское правительство»².

Сэр Джон добавил к этому, что о связи ИМЭМО с КГБ ему «авторитетно» заявлял уже в начале 90-х годов кто-то из коллег-международников, прибывший в Англию то ли из суверенной Латвии, то ли из Эстонии.

Можно предположить, что какую-то, во многом недостоверную информацию о связях ИМЭМО с КГБ, могли сообщить на Запад и «невозвращенцы» — И.С. Глаголев и М.С. Восленский, склонные, по понятным причинам, преувеличивать значение и характер своей предыдущей работы в Институте в качестве «советников Кремля».

В какой степени существовавшие на Западе предположения о работе ИМЭМО на советские спецслужбы соответствовали действительности?

В предыдущих главах уже рассказывалось о формах сотрудничества ИМЭМО с целым рядом министерств и ведомств СССР — МИДом, Госпланом, Внешторгом и др. При этом ничего не говорилось о Министерстве обороны и КГБ СССР. Пора восполнить этот пробел и попытаться ответить на вынесенный в название главы вопрос. Но начну все же не с КГБ, а с Минобороны, тем более что связь с этим ведомством, по крайней мере до середины 80-х годов, у ИМЭМО была куда более тесная, нежели с Лубянкой.

ОТЭИ: от Стригачева до Бугрова

В октябре 1957 г. в структуре ИМЭМО был сформирован сектор проблем милитаризации экономики капиталистических стран во главе с доктором экономических наук А.А. Санталовым. На сектор была возложена задача по налаживанию технико-экономических исследований состояния и перспектив развития военных отраслей экономики ведущих стран Запада.

Прежде чем характеризовать работу этого сектора, со временем преобразованного в отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ), следует сказать несколько слов о его создателе.

Арсений Алексеевич Санталов родился в 1900 г. в крестьянской семье. С 11 лет, по окончании начальной сельской школы, он работал по найму подручным слесаря в помещичьих хозяйствах на Тамбовщине. В 1917 г. был призван в армию и направлен в Центральные мастерские инженерных дружин Западного фронта (г. Минск), где работал слесарем. Тогда же, в июле 1917 г., Санталов вступил в РСДРП(б), а в ноябре принял участие в большевистском перевороте в Москве. Затем была учеба, прерванная Гражданской войной, комиссарство на Южном фронте, снова учеба, наконец, диплом 1-го МГУ по двум специальностям: экономист по внешней торговле и юрист по международно-правовым вопросам.

¹ Об этих знаменитых советских разведчиках, ставших впоследствии научными сотрудниками ИМЭМО, будет еще рассказано. — П.Ч.

² Запись беседы с лордом Дж. Роупером во время его приезда в Москву в феврале 2003 г.

«С июня 1923 г., почти непрерывно, по октябрь 1941 г. я работал в системе внешней торговли, — писал Санталов в своей автобиографии. — Наряду со специальной, торгово-оперативной и руководящей работой в системе внешней торговли, я почти всегда (с 1923 г.) занимался научно-исследовательской и литературной работой»¹.

С 1924 по 1927 г. он был руководителем экономической части Торговой делегации СССР в Англии, а в 1928—1934 гг. возглавлял экономическое управление Амторга в США, затем был представителем Всесоюзного объединения «Союзнефтеэкспорт» и вице-президентом Амторга. Все эти годы он активно публиковал статьи и экономические обзоры в журналах и информационных бюллетенях, выходящих в Англии и США.

По возвращении из заграникомандировки А.А. Санталов работает в «Союзнефтеэкспорте», в центральном аппарате Наркомвнешторга СССР, а в 1937—1941 гг. — в Научно-исследовательском Конъюнктурном Институте Наркомвнешторга. В предвоенный период выходят в свет его многочисленные статьи и обзоры, посвященные проблемам мирового нефтяного и фрахтового рынков, а также американской экономике.

В марте 1942 г. Санталова направляют на работу в ТАСС на должность редактора материалов для иностранной прессы и референта по США, а в марте 1944 г. переводят в Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, где он занимает должность старшего научного сотрудника. В ИМХМП Санталов активно привлекается к выполнению оперативных заданий по вопросам мирового нефтяного и газового рынков, морского торгового флота капиталистических стран, экономики США, Китая и «стран народной демократии».

События 1947 г., когда был закрыт ИМХМП, не отразились на судьбе Санталова, которого, в отличие от многих его коллег, без проблем зачисляют в штат Института экономики. С 1949 г. по совместительству он еще и член Экспертного совета Государственного комитета по материально-техническому снабжению СМ СССР, куда его пригласил Л.М. Каганович, тогдашний глава этого ведомства. По заказу Госснаба А.А. Санталов за два года (1949—1950) написал солидную (36 авторских листов) работу «Перспективы экономических взаимоотношений КНР с СССР». Этот труд был высоко оценен и рекомендован Госснабом СССР «для использования в практической работе»².

Работая в Институте экономики, Санталов в 1955 г. успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Империалистическая борьба за источники сырья». Помимо ученой степени, Санталов получает за эту работу премию Президиума АН СССР.

Уходя из Института экономики в создаваемый им ИМЭМО, А.А. Арзуманян в числе первых пригласил туда А.А. Санталова. В течение года тот работал

¹ Личное дело А.А. Санталова // Архив ИМЭМО РАН.

² Там же.

в секторе США, которым руководил другой ветеран ИМХМП, М.И. Рубинштейн, пока Арзумян не предложил ему сформировать и возглавить сектор проблем милитаризации экономики капиталистических стран.

Арзумян придавал очень большое значение направлению исследований этого сектора, справедливо полагая, что исходящие из него информационно-аналитические разработки могут быть использованы для ускорения научно-технического прогресса в СССР и способны представлять практический интерес для предприятий и организаций военно-промышленного комплекса. Речь шла о том, чтобы по материалам открытых зарубежных источников изучать состояние военной экономики и военно-технического развития ведущих стран Запада¹. Работа сотрудников сектора сводилась к тому чтобы изучать материалы, публиковавшиеся в иностранной периодике по различным направлениям развития современного научно-технического прогресса — в авиации и космонавтике, ракетостроении, радиоэлектронике и т.д. По результатам этого изучения составлялись справки, записки и другие материалы, направлявшиеся в заинтересованные правительственные инстанции, в частности в Госкомитет по науке и технике и Министерство обороны СССР.

Работа, начатая под руководством Санталова, в полной мере оправдала надежды Арзумяна. Потребители продукции, исходящей из его сектора, давали ей высокую оценку. В одном из отзывов, подписанных заместителем начальника Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба ВС СССР генерал-лейтенантом Х. Мамсуровым, говорилось:

«Возглавив в 1957 г. исследование проблем милитаризации экономики капиталистических стран... А.А. Санталов личной и весьма напряженной организационной и научно-методической деятельностью добился того, что это исследование в сравнительно короткий срок уже дало важные практические результаты. В 1958–59 гг. Главное Управление получило от Института мировой экономики и международных отношений по проблемам милитаризации экономики капиталистических стран более двух десятков крупных и ценных исследований, разработанных под руководством и при личном участии А.А. Санталова»².

Спустя несколько лет директор ИМЭМО удовлетворенно констатировал: *«Институт правильно сделал, организовав технико-экономические исследования. Мне помнится, с каким недоумением было встречено решение дирекции*

¹ «Ведь не глупые люди придумали — создать в системе Академии наук отдел, который проводил бы такого рода исследования параллельно с теми, которые велись в номерных институтах Министерства обороны и Генерального Штаба. В отделе сопоставлялись те и другие исследования и формулировались какие-то выводы для директивных органов нашей страны», — сказал в беседе с автором В.Л. Лебедев, один из ветеранов ОТЭИ (запись беседы с В.Л. Лебедевым 6 августа 2002 г.).

² Архив ИМЭМО РАН.

об организации таких исследований¹. Теперь уже эти исследования развернулись вовсю, и полезность этих работ несомненна. Как директору Института, мне было приятно, когда, на одной из встреч Председатель одного Госкомитета вынул из своего сейфа нашу работу о развитии радиоэлектроники, показав, как тщательно она была проштудирована. Он дал распоряжение всем работникам Комитета ознакомиться с нашей работой»².

А.А. Санталову довелось руководить работой созданного им сектора совсем недолго — чуть более двух лет. Тяжелое сердечное заболевание, приобретенное еще в 30-е годы, опасно прогрессировало, вынудив его в феврале 1960 г. перейти на должность старшего научного сотрудника. Через месяц он умер.

Дальнейшая судьба сектора (затем отдела) связана с именем Владимира Ивановича Стригачева, назначенного 18 февраля 1960 г. исполняющим обязанности заведующего этим научным подразделением. И по возрасту, и по жизненному опыту он представлял собой другой, нежели Санталов, тип руководителя.

Стригачев родился в 1922 г. в г. Новоузенске Саратовской области. В 1939 г. 17-летний юноша отправляется в Ленинград и поступает на химический факультет ЛГУ. Однако первая попытка получить высшее образование не удалась. С началом советско-финской войны Стригачев, как и многие его ровесники-студенты, изъявил желание отправиться на фронт, но вместо этого был зачислен в Школу младших командиров, которую окончил в июне 1941 г.

Три с половиной года войны Стригачев проводит в качестве политработника на Ленинградском фронте. Среди его боевых наград — орден Отечественной войны 2-й степени и орден Красной Звезды. В конце 1944 г. его назначают помощником начальника политотдела по работе среди комсомольцев Военно-медицинской академии в Ленинграде. Одновременно он поступает на заочное отделение Военно-политической академии им. И.В. Сталина (ВПА) в Москве. В 1952 г. Стригачев становится адъюнктом кафедры политэкономии ВПА, где начинает работать над кандидатской диссертацией «Военно-экономический потенциал Западной Германии, рассчитанный на случай войны».

К осени 1956 г. диссертация была готова. Предстояла защита. Но в это время в судьбе подполковника Стригачева происходит неожиданный поворот.

¹ Недооценка значения технико-экономических исследований, о чем упомянул А.А. Арзуманян, станет понятной, если вспомнить, какой идеологической травле в конце 40-х — начале 50-х годов подвергалось данное направление экономических исследований. Тяжелые воспоминания об этом еще были живы в памяти многих сотрудников ИМЭМО старшего и среднего поколений. — П.Ч.

² Из выступления А.А. Арзуманяна на партийном собрании в ИМЭМО в 1961 г. // Архив Российской академии наук (далее: Архив РАН. — П.Ч.). Ф. 1556. Оп. 1. Д. 142. Л. 24 — 25.

Из автобиографии В.И. Стригачева:

«В первых числах ноября 1956 г. я был послан в специальную командировку в Будапешт, в связи с вспыхнувшим в Венгрии контрреволюционным мятежом, и в течение 7 месяцев работал начальником Политуправления Советских войск в Венгрии»¹.

11 ноября 1956 г. подполковник Стригачев назначается заместителем команданта г. Будапешта по спецпропаганде, начальником Политуправления группы советских войск в Венгрии. На этом посту он пробудет до июня 1957 г. и вернется в Москву с орденом боевого Красного Знамени.

Затем успешная защита диссертации в ВПА и неожиданная демобилизация из армии в возрасте 35 лет. Теперь можно только гадать (в личном деле Стригачева ничего об этом не говорится), попал ли он под очередное сокращение или это было его собственное решение. Нельзя исключать здесь и влияния крупного советского экономиста академика Станислава Густавовича Струмилина, с которым Стригачев находился в родственных отношениях (через свою жену). Так или иначе, но сразу же после увольнения из армии Стригачев подает заявление на имя директора ИМЭМО АН СССР А.А. Арзуманяна, доброго знакомого Струмилина, о зачислении его в Институт.

В ИМЭМО его берут на должность младшего научного сотрудника с ученой степенью в сектор стран Западной Европы, но уже в декабре 1957 г. Стригачев переходит в только что созданный сектор милитаризации экономики капиталистических стран в качестве и.о. старшего научного сотрудника. Ходатайствуя перед Отделением экономических, философских и правовых наук АН СССР о разрешении зачислить Стригачева вне конкурса на должность и.о. с.н.с., Арзуманян писал в своем представлении: *«Тов. Стригачев В.И. имеет ценные работы по вопросам методологии определения экономического и военно-экономического потенциала капиталистических стран. Эти работы опубликованы в «Трудах Академии» (издание Военно-политической Академии им. В.И. Ленина), 1956) и в журнале «Военная мысль»².*

С приходом в сектор милитаризации экономики Стригачев сразу же становится «правой рукой» часто хворавшего Санталова. Он активно включается в работу, замещая шефа во время обострения его болезни. Как исследователь, Стригачев переключается с ФРГ на США, занявшись изучением американской химической промышленности. Он участвует также в составлении баланса гражданских и военных потребностей США в людской силе и материальных ресурсах в периоды мобилизационного развертывания.

Когда в феврале 1960 г. А.А. Санталов заявил о невозможности по состоянию здоровья руководить работой сектора, у Арзуманяна не было колебаний в выборе кандидатуры на замещение должности заведующего. Им стал

¹ Личное дело В.И. Стригачева // Архив ИМЭМО РАН.

² Переписка с Бюро Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР. 1957 г. // Архив ИМЭМО РАН.

Владимир Иванович Стригачев, который представил Арзуманяну развернутый план полной реорганизации сектора.

К тому времени разработки, выходявшие из сектора, успели приобрести многочисленных заинтересованных читателей в центральном аппарате и в организациях Министерства обороны СССР, в министерствах, связанных с ВПК, в ГКНТ и в других ведомствах. Заказы на те или иные разработки сыпались как из рога изобилия, а наличных сил для их выполнения явно не хватало.

Стригачев предложил Арзуманяну значительно расширить тематику работы сектора, который должен быть преобразован в отдел. Соответственно предлагалось существенно увеличить численный состав создаваемого отдела (для начала — на порядок). Стригачев же рекомендовал Арзуманяну укомплектовать отдел преимущественно специалистами из числа демобилизуемых из Вооруженных сил СССР военных инженеров и офицеров, служивших в ракетных войсках, в войсках связи, химзащиты, в ВВС и ВМС.

В то время (конец 50-х — начало 60-х годов) в результате неоднократных массовых сокращений советских Вооруженных сил (а общей сложности более чем на 3 млн. человек), предпринятых по инициативе Н.С. Хрущева, тысячи еще достаточно молодых офицеров были уволены из армии и флота. Никто в сущности не занимался всерьез их устройством в гражданской жизни. Каждый устраивался самостоятельно — в какое-нибудь госучреждение, на завод, в среднюю школу и ПТУ, в вуз или НИИ. Кое-кто из этих преждевременных отставников, как считал Стригачев, представлял очевидный интерес для ИМЭМО, где предполагалось развернуть технико-экономические исследования в военно-экономической области.

Арзуманян поддержал все предложения энергичного подполковника запаса и начал переговоры с заинтересованными инстанциями — Президиумом АН СССР, соответствующими отделами ЦК КПСС, Министерством обороны СССР, ГКНТ и др. Наибольший интерес к этому проявило военное ведомство, заручившееся согласием Арзуманяна на тесное сотрудничество возглавляемого им Института с МО СССР. Одновременно военное руководство неофициально оговорило для себя право рекомендовать на работу в ИМЭМО отдельных генералов и старших офицеров, увольняющихся из Вооруженных сил.

Наконец, идея была одобрена на Старой площади, и уже в начале декабря 1960 г. Президиум АН СССР принял специальное Постановление о создании в ИМЭМО Отдела технико-экономических исследований.

28 декабря 1960 г. был подписан Приказ № 255 по ИМЭМО АН СССР:

«С целью обеспечить необходимые масштабы и должное качество исследований технико-экономических явлений и процессов, происходящих в капиталистических странах, и в соответствии с Постановлением Президиума АН СССР от 9 декабря 1960 г. № 1065, ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Создать в Институте Отдел технико-экономических исследований в составе пяти секторов;
2. Назначить кандидата экономических наук СТРИГАЧЕВА В.И. заместителем директора Института мировой экономики и междуна-

родных отношений АН СССР и заведующим Отделом технико-экономических исследований.

Директор Института

А.А. Арзуманян»¹.

Штатное расписание ОТЭИ на 1 января 1961 г. было утверждено в количестве 90 единиц (при общей тогдашней численности ИМЭМО в 431 штатную единицу)². Это означало, что в отдел предстояло набрать несколько десятков человек, способных следить за иностранной периодической технико-экономического профиля, отбирать и анализировать нужную информацию, наконец, готовить обобщающие материалы для заказчиков.

В начале 1961 г. в ОТЭИ были сформированы пять секторов: стратегических и обычных вооружений, военного финансирования, научно-исследовательских работ, транспорта. Для пущей важности каждый сектор получил свой номер — № 1, № 2, № 3 и т.д.

В 1963 г. в отделе была создана редакторская группа, через которую проходили материалы всех пяти секторов, прежде чем эти материалы отправлялись заказчику. Группу возглавил полковник запаса Сергей Степанович Пахомов, впоследствии получивший должность Главного редактора ОТЭИ. В годы войны он был заместителем полковника Л.И. Брежнева, начальника политотдела 18-й армии. Одним из его подчиненных по службе в политотделе был майор А.А. Арзуманян, ставший впоследствии директором ИМЭМО.

Все сектора, помимо их собственной тематики, в 60-е годы объединяло одно общее дело — написание 7-томного исследования «Экономика США». Оно было завершено в 1967 г. и получило высокую оценку заинтересованных инстанций. К началу 1970 г. в ОТЭИ было выполнено более 350 работ общим объемом свыше 2600 авторских листов.

Из воспоминаний доктора экономических наук Р.А. Фарамазяна, ветерана ОТЭИ:

«До создания ОТЭИ, насколько нам известно, в Советском Союзе ни в одной организации не велись систематические исследования военно-экономических проблем западных стран. Военно-экономическая наука значительно запаздывала в теоретическом обобщении новых процессов в развитии военной экономики ядерного века, кардинальных изменений в требованиях к экономическому обеспечению военного строительства, к укреплению оборонной безопасности страны.»

Организация ОТЭИ сыграла большую роль в активизации военно-экономических исследований в нашей стране. Коллективом Отдела проводились крупные и многоплановые исследования по проблемам военно-экономического потенциала и развития военной экономики западных стран и НАТО как блока в годы холодной войны. Сотрудниками Отдела были подготовлены

¹ Архив ИМЭМО РАН.

² К концу 60-х годов численность ОТЭИ удвоится, достигнув 200 человек, а количество секторов возрастет с пяти до восьми.

и опубликованы многочисленные монографии, брошюры и статьи, в которых анализировались особенности современного военного производства, проблемы военного финансирования и эффективности военных расходов, экономические аспекты национальной безопасности, влияние научно-технического прогресса на военное дело, изменения в структуре, системе организации и управления военной экономикой западных стран, социально-экономические аспекты милитаризации экономики и науки, экономические вопросы разоружения и конверсии военного производства, интеграционные процессы в военно-экономической сфере, влияние окончания холодной войны на военную экономику, новейшие тенденции в развитии военной экономики ведущих западных стран, особенности реформирования оборонно-промышленного комплекса России»¹.

С самого начала ОТЭИ был ориентирован руководством ИМЭМО на изучение новейших тенденций в развитии важнейших отраслей экономики стран Запада. Конечная задача исследователей состояла в том, чтобы показать, какие из последних экономических и научно-технических достижений капитализма можно использовать в интересах советской экономики, каким образом военная промышленность помогает на Западе развитию гражданских отраслей экономики.

В деятельности ОТЭИ изначально переплелись собственно научные интересы ИМЭМО, занимавшегося изучением современного капитализма, и интересы спецслужб (точнее — промышленной и научно-технической разведки), стремившихся получить на Западе нужную информацию с целью оптимизации и ускорения в СССР научно-технического прогресса в военной области. В то время как зарубежная агентура КГБ и ГРУ добывала на Западе необходимую экономическую и научно-техническую информацию, используя свои, специфические средства, сотрудники ОТЭИ старательно выуживали ее из иностранной литературы и периодики², готовя соответствующие отчеты для заказчиков, которые имели возможность сопоставлять эти сведения с данными, получаемыми агентурным путем.

В отделе был создан специализированный Ученый совет, на котором заслушивались научные доклады и защищались диссертации³. В 1974 г. докторскую диссертацию по совокупности работ здесь защитил В.И. Стригачев. Впоследствии его кандидатура будет выдвигаться для избрания в члены-корреспон-

¹ Запись беседы с Р.А. Фарамазяном 2 апреля 2003 г.

² Тесные рабочие контакты с Министерством обороны СССР позволяли ОТЭИ дополнительно выписывать для своей библиотеки целый ряд специальных зарубежных изданий, которых не имела библиотека ИМЭМО, находившаяся на жесткой, постоянно сокращавшейся дотации АН СССР. При этом допуск сотрудников основной части Института в библиотеку ОТЭИ был затруднен, что вызывало растущее недовольство в научном коллективе ИМЭМО.

³ Всего за время существования ОТЭИ (1961 — 1985 гг.) на его специализированном Ученом совете было защищено 50 кандидатских и 8 докторских диссертаций по военно-экономической проблематике.

денты АН СССР по Отделению экономики, но Стригачев не наберет нужного количества голосов.

«Будучи военным человеком, — вспоминает работавший с ним В.Л. Лебедев, — Стригачев, был очень неплохим организатором, как и многие люди того времени. Это была сильная личность, лидер по своей натуре. Я не могу, конечно, судить о собственно научной стороне его деятельности, но я видел его как организатора, видел, как он проводил заседания, как осуществлял руководство Отделом. Наверное, Владимир Иванович не был ученым в академическом понимании этого слова, хотя научное руководство он осуществлял в полной мере»¹.

Стригачев пользовался уважением не только в ОТЭИ, но и в коллективе ИМЭМО. По статусу, как уже отмечалось, он был одним из заместителей директора Института.

Из характеристики В.И. Стригачева, подписанной Н.Н. Иноземцевым и секретарем парткома ИМЭМО В.А. Мартыновым (январь 1970 г.):

«Как человек — честен и целеустремлен, обладает удивительно хорошей памятью, неприязнательностью в жизни, вежлив, скромен, не подчеркивает своей роли, морально устойчив. К числу недостатков следует отнести следующее: иногда чрезмерно прямолинеен в разговорах и своих действиях, мало заботится о своем здоровье, работая и в период заболеваний...»².

С самого начала Арзуманяном и Стригачевым была выбрана единственно правильная кадровая политика — сочетание высококвалифицированных гражданских экономистов и военных специалистов различного профиля. Правда, поддерживать оптимальный баланс на практике оказалось нелегко, так как Министерство обороны постоянно пыталось «засылать» в ОТЭИ «своих» людей; при этом не все из них обладали должными данными для успешной работы в отделе. К тому же военный заказчик стимулировал не столько военно-экономические, сколько военно-технические исследования, которыми в принципе в ОТЭИ не должны были заниматься. Для этого в системе МО СССР существовали многочисленные «почтовые ящики».

Первоначальное преобладание военных в ОТЭИ давало основание многим в ИМЭМО считать его неким «отстойником» Минобороны для выходящих в запас генералов и офицеров, имевших нужные связи. Непосвященные в производственные тайны ОТЭИ (отдел работал в закрытом режиме) сомневались в результативности и даже целесообразности работы военных пенсионеров.

¹ Запись беседы с В.Л. Лебедевым.

² Личное дело В.И. Стригачева // Архив ИМЭМО РАН.

Из воспоминаний В.Л. Лебедева:

«В 60-е годы в ОТЭИ действительно было много военных, в основном военных инженеров и политработников. Но они, как правило, предпочитали организационную работу. Так, три ученых секретаря отдела на моей памяти были из бывших военных. Это были энергичные и еще достаточно молодые люди, способные в полной мере справляться со своими обязанностями. В научных же секторах число военных со временем постоянно сокращалось в пользу «штатских». При этом, на мой взгляд, отставники приносили несомненную пользу, так как по прежней службе хорошо были знакомы с современными системами вооружений и уровнем военных технологий. Постепенно в ОТЭИ возрастало число гражданских специалистов, прежде всего с экономическим образованием, хотя военная специфика ощущалась всегда»¹.

Среди высокопоставленных военных, в разные годы работавших в ОТЭИ, выделялись три генерала.

Одним из первых в отдел пришел генерал-лейтенант Моисей Иосифович Сладкевич. Это был незаурядный человек с интересной судьбой.

Он родился в 1906 г. в бедной еврейской семье в Белоруссии. Оставшись в десять лет без родителей, Моисей начал сам зарабатывать на жизнь, а в 1923 г. поступил в 1-ю Московскую кавалерийскую школу командного состава. Год спустя он был переведен в Ленинградскую кавалерийскую школу (бывшее Николаевское кавалерийское училище), которую окончил в 1926 г. В течение пяти лет он проходил службу в 51-м кавалерийском полку, входившем в знаменитый тогда на всю страну 2-й кавалерийский корпус им. Г. Котовского, а в 1931-м был переведен в пограничные войска ОГПУ. В 1936 г. Сладкевич поступил в Военную академию им. Фрунзе, которую окончил в 1939-м, получив диплом с отличием. За год до окончания учебы он едва не попал под очередную чистку, проводившуюся в академии.

В течение двух предвоенных лет комбриг Сладкевич служит в Главном управлении войск НКВД, а с началом войны его направляют на Западный фронт. Осенью—зимой 1941 г. он командует Каширским сектором обороны Москвы и за успешное руководство войсками получает звание генерал-майора. Затем — Ленинградский, Закавказский, Северо-Кавказский, 3-й Белорусский и 4-й Украинский фронты, где генерал Сладкевич выполняет обязанности заместителя командующего армией. Войну он завершает в звании генерал-лейтенанта с восемью боевыми и полководческими орденами, в том числе Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени.

С октября 1944 г. генерал Сладкевич — зам. начальника Внутренних войск НКВД и одновременно руководитель операций по уничтожению Украинской Повстанческой Армии (УПА). С бандеровцами он будет бороться до 1949 г.²,

¹ Запись беседы с В.Л. Лебедевым.

² Его заслуги в борьбе с бандеровским движением будут отмечены в 1949 г. орденом Ленина.

когда получит назначение в Германию на должность начальника войск МГБ. В его задачу входили устройство и охрана западной границы только что созданной Германской Демократической Республики.

В Германии Сладкевич прослужит до марта 1953 г., когда Л.П. Берия, возглавивший объединенный МВД и МГБ, вызовет его в Москву и назначит начальником штаба, заместителем начальника Внутренних войск МВД СССР. Этот неожиданный вызов сыграет роковую роль в дальнейшей судьбе генерала.

Когда в июне 1953 г. Берия будет арестован, под подозрение попадут все его последние назначенцы в МВД. Одни будут арестованы и расстреляны вместе с ним, другие будут осуждены на длительные сроки, третьи — уволены со службы.

Против генерала Сладкевича не нашлось никаких компрометирующих материалов, и он был оставлен в кадрах МВД, но в порядке «профилактики» его, генерал-лейтенанта, направили в Военный институт им. Ф.Э. Дзержинского на полковничью должность начальника курса, этакое «курсового дядьки». Правда, через несколько месяцев его повысят, назначив начальником кафедры тактики и оперативного использования пограничных и внутренних войск.

В первых числах ноября 1956 г. генерал-лейтенанта Сладкевича неожиданно вызвал начальник Генерального Штаба Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский, который хорошо знал его еще с осени 1941 г., со времен сражения под Москвой. Маршал, ценивший опыт Сладкевича в проведении специальных армейских операций, предложил генералу возглавить передовой корпус, направляемый в Будапешт для оказания «братской помощи» в подавлении «контрреволюционного мятежа». Вслед за авангардом Сладкевича в Будапешт должны были быть введены еще два корпуса — армейский и специальный. Последним будет командовать сам председатель КГБ СССР, генерал армии И.А. Серов, в недавнем прошлом — 1-й заместитель Л.П. Берии в МВД, сумевший удержаться и даже укрепить свои позиции при Хрущеве.

Генерал сразу же понял, что получает шанс вернуться к полноценной, соответствующей его воинскому званию и опыту службе. Он немедленно дает согласие и в тот же день, ознакомившись в Генштабе с оперативной обстановкой в Венгрии, вылетает в Будапешт на военно-транспортном самолете. С женой ему удалось попрощаться лишь по телефону.

Прямо с аэродрома генерал Сладкевич во главе танковой колонны входит в охваченный народным восстанием Будапешт. Здесь в первый же день он получает тяжелую контузию от разрыва зенитного снаряда, выпущенного по танку, в котором он находился. Тем не менее генерал продолжал руководить операцией. Ему довелось лично руководить штурмом Военного министерства Венгрии, среди защитников которого находился министр обороны генерал Малетер, в результате захваченный в плен. Сладкевич, по его рассказам, руководил и операцией по захвату Имре Надя, укрывшегося в югославском посольстве.

Тогда же генерал Сладкевич по существу спас жизнь послу СССР в Венгрии Ю.В. Андропову, блокированному повстанцами в здании посольства вместе со всеми сотрудниками. Получив по радиации сигнал о помощи, Сладкевич

с танковой ротой пробился к посольству и разблокировал его. Андропов был искренне благодарен своему спасителю.

Как вспоминал сам Сладкевич, во время его разговора с Андроповым, кабинет посла неожиданно был обстрелян из крупнокалиберного пулемета из дома напротив. При этом Андропов, по словам Сладкевича, сохранял абсолютное спокойствие и даже не пригнулся во время обстрела. Осторожно снимая с пиджака осколки стекла от разбитого окна, посол заметил: *«Вы видите, товарищ генерал, в каких условиях приходится здесь работать»*¹.

Сладкевич немедленно дал команду танкистам «обработать» здание, из которого велась стрельба по кабинету Андропова. Впоследствии он с сожалением вспоминал: *«Не исключено, что в том доме находились не только стрелки, но и мирные люди. Но тогда я не мог об этом думать. Жизнь нашего посла была под угрозой, и в тот момент за нее отвечал я один. Пришлось подвергнуть здание обстрелу из танковых орудий, а потом прочесать его автоматчиками»*².

Командировка генерала Сладкевича в Венгрию продолжалась чуть более месяца. В декабре 1956 г. он возвращается в Москву, ожидая соответствующей благодарности от военного и политического руководства.

Благодарность не заставила себя ждать: очередной (уже четвертый по счету) орден боевого Красного Знамени. Вместо желанного назначения на живую работу в войска или в Главное управление погранвойск КГБ, засидевшийся в генерал-лейтенантах Сладкевич возвращается на свою кафедру в Военный институт МВД—КГБ. Здесь на основе венгерского и предыдущего, германского опыта он пишет работу на тему «К вопросу обеспечения безопасности в некоторых районах стран народной демократии».

Он явно разочарован, объясняя длительный застой в карьере нерасположением высшего начальства и пресловутым «пятым пунктом». *«За 37 лет военной службы, — вспоминал впоследствии генерал Сладкевич, — я постоянно сталкивался с недоброжелательством политорганов и кадровиков: в 30-е годы меня упрекали за дворянское происхождение моей жены, а с конца 40-х намекали, что мое дальнейшее продвижение по службе маловероятно, потому что я — еврей»*³.

Лишь два года спустя, в декабре 1958-го, генерал Сладкевич получает повышение по службе, став начальником факультета пограничных войск Военного института им. Ф.Э. Дзержинского МВД—КГБ. По всей видимости, это назна-

¹ Из рассказов М.И. Сладкевича автору публикации. — П.Ч.

² Там же.

³ Жена М.И. Сладкевича, Татьяна Евгеньевна, принадлежала к древнему дворянскому роду Чичериных и доводилась племянницей бывшему наркому иностранных дел СССР Г.В. Чичерину. В заполняемых ею и Сладкевичем анкетах им в обязательном порядке приходилось указывать на ее социальное происхождение из дворян. Утаивание этого обстоятельства в 30–40-е годы было чревато самыми серьезными последствиями (из рассказов М.И. Сладкевича автору публикации). — П.Ч.

чение стало возможным в результате ухода с поста председателя КГБ СССР И.А. Серова, давнего недоброжелателя Сладкевича¹.

В должности начальника факультета погранвойск генерал Сладкевич проработает менее двух лет. В 1960 г. руководством КГБ и МВД было принято решение о расформировании Военного института им. Ф.Э. Дзержинского и создании на его базе двух самостоятельных учебных заведений — Высшего командного училища погранвойск КГБ и аналогичного училища внутренних войск МВД. Генерал-лейтенанту М.И. Сладкевичу было предложено командование одним из отдаленных пограничных округов, но он отказался и в августе 1960 г. подал рапорт об увольнении в запас.

Непривычно однообразная жизнь хорошо обеспеченного пенсионера очень скоро наскучила 54-летнему, полному сил и энергии Сладкевичу. И он стал подыскивать себе работу. Совершенно случайно генерал узнает, что один из его бывших подчиненных по Будапешту, демобилизовавшийся из армии подполковник В.И. Стригачев, формирует отдел технико-экономических исследований в ИМЭМО АН СССР. Он встречается с недавним сослуживцем и получает от него приглашение на работу в академический институт.

В апреле 1961 г. М.И. Сладкевич приходит в ОТЭИ ИМЭМО на должность и.о. старшего научного сотрудника без ученой степени. Неплохое знание французского языка, который он в свое время освоил с помощью жены (она с детских лет свободно говорила по-французски), позволяло ему читать нужные книги и периодику. Тема его исследований в ОТЭИ — вопросы охраны и обороны тыла стран НАТО на центральноевропейском театре военных действий, а также состояние и перспективы развития гражданской обороны главных стран НАТО.

В 1973 г., в возрасте 67 лет, предварительно сдав три экзамена кандидатского минимума, Сладкевич защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата экономических наук. В 1977 г. он переходит из ОТЭИ в сектор международно-политических проблем Европы (зав. сектором д.и.н. Д.Е. Меламид), где занимается вопросами военной интеграции в рамках ЕС. На новом месте Сладкевич проработает до самой смерти, последовавшей в феврале 1980 г.

Узнав о кончине своего будапештского спасителя, председатель КГБ Ю.В. Андропов распорядился похоронить генерал-лейтенанта М.И. Сладкевича с высшими воинскими почестями на одном из самых престижных кладбищ Москвы — Донском. Похороны были организованы командованием и Политуправлением погранвойск КГБ при участии научного коллектива ИМЭМО.

Другой, еще более именитый представитель генералитета, работавший в ОТЭИ, — генерал-лейтенант технических войск Иван Владимирович Ковалев.

¹ Генерал армии И.А. Серов в декабре 1958 г. был переведен на должность начальника ГРУ, уступив свое место в КГБ А.Н. Шелепину. Впоследствии Серов будет разжалован до генерал-майора и исключен из партии «за нарушения социалистической законности и использование служебного положения в личных целях».

Он родился в 1901 г. в семье крестьянина Воронежской губернии. В 1919 г. вступил в Красную Армию, несколько месяцев прослужил в одной из частей воронежской губчека, затем учился в тбилисской Военной школе железнодорожной техники, по окончании которой служил командиром взвода, роты и политруком в железнодорожных частях. В 1930—1935 гг. Ковалев — слушатель строительного факультета Военно-транспортной академии в Ленинграде, а затем в Москве.

С 1935 г. его жизнь надолго связывается с Наркоматом путей сообщения. Он работает в должностях инспектора-ревизора НКПС, начальника Западного отдела (г. Смоленск), начальника Специального управления, членом Коллегии НКПС. В начале 1941 г. Ковалев становится заместителем наркома Госконтроля СССР, но в июле Сталин назначает его начальником Центрального управления военных сообщений Красной Армии. На него возложена вся ответственность за бесперебойное перемещение войск и военных грузов по железным дорогам.

Ковалев успешно справляется с этой труднейшей задачей, заслужив благоволение вождя. В декабре 1944 г. он становится наркомом (с 1946 г. — министром) путей сообщения СССР, став одновременно членом Транспортного комитета при ГКО и членом Бюро Совета Министров СССР по транспорту и связи. В 1946 г. Ковалев избирается депутатом Верховного Совета СССР.

Стремительный взлет карьеры Ковалева прервался летом 1948 г., когда он был снят с министерского поста и отправлен в Китай в качестве Главного советника по экономическим вопросам при Политбюро ЦК КПК и правительстве КНР (с октября 1949 г.), руководителя Группы советских специалистов в Китае. Злые языки утверждали, что Ковалев вызвал неудовольствие вождя тем, что, якобы, отправил свою дочь в свадебное путешествие по железным дорогам СССР в специальном министерском вагоне. Недоброжелатели и завистники Ковалева поспешили доложить Сталину о проявленной министром «нескромности» и злоупотреблении служебным положением.

В 1950 г. Ковалева возвращают из Китая и направляют в Харьков на должность начальника Донецкого округа железных дорог, члена Коллегии МПС, а через год, вероятно, по протекции благоволившего к нему члена Политбюро Л.М. Кагановича, Иван Владимирович становится заместителем министра угольной промышленности СССР. На этом посту он проработает до 1957 г., когда, после падения своего благодетеля Кагановича, будет направлен в Военно-научное управление Генерального Штаба. В 1960 г. Ковалев становится старшим преподавателем кафедры стратегии Военной Академии Генерального Штаба. Здесь в 1967 г. он защищает диссертацию и получает степень доктора военных наук, а в 1969 г. — ученое звание профессора. Среди научных работ генерал-лейтенанта И.В. Ковалева: «Система и структура управления тыла Вооруженных Сил в стратегических операциях и современной войне»; «Разработка проблемы транспорта в условиях научно-технической революции»; «Проблемы управления транспортными системами».

В августе 1969 г. приказом министра обороны СССР генерал-лейтенант Ковалев откомандировывается в ИМЭМО с оставлением в кадрах Вооруженных Сил. В ОТЭИ он возглавил сектор мировой транспортной системы. Задача

сектора — оценка развития транспорта, изучение проблем развития и прогнозирования транспортных систем ведущих западных стран. В этой должности генерал проработает до 1983 г. Самое удивительное: все это время, благодаря давней дружбе с тогдашним министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым, 80-летний Ковалев все еще продолжал состоять на службе в армии. Такой чести удостоивались только маршалы. В 1981 г. «за заслуги перед Советской Армией и в связи с 80-летием со дня рождения» генерал-лейтенант технических войск И.В. Ковалев был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Наверное, подписавшему указ о награждении Ковалева одряхлевшему маршалу Л.И. Брежневу было приятно сознавать, что «в строю» продолжают оставаться куда более пожилые генералы, чем он сам.

В 1983 г. Иван Владимирович перейдет на ставку главного исследователя, а в 1985 г. выйдет, наконец, на пенсию.

Среди сотрудников ОТЭИ из числа военных был даже Герой Социалистического Труда — генерал-майор технических войск Самуил Гдальевич Вейцман.

Он родился в 1917 г. в Минске. Проучившись три года в Ленинградском автомобильном институте, Вейцман в 1938 г. поступает в Военно-транспортную академию, которую оканчивает в 1941 г. с дипломом военного инженера путей сообщения.

В период Великой Отечественной войны он командует Отдельным мостовым железнодорожным батальоном на Юго-Западном, Западном и 3-м Белорусском фронтах. За умелое и оперативное восстановление в условиях боевых действий разрушенных немецкой армией железнодорожных мостов Самуил Вейцман в 1943 г. был удостоен редкого для фронтовика звания Героя Социалистического Труда.

После окончания войны Вейцман служит на командно-штабных должностях в железнодорожных войсках. Он командует полком, Отдельной бригадой, а в 1963 г. назначается начальником штаба, заместителем командира железнодорожного корпуса. В 1969-м генерал-майор Вейцман — уже заместитель начальника штаба железнодорожных войск МО СССР.

В запас он ушел в возрасте 61 года. Его 40-летняя служба в армии была отмечена 7 орденами и 18 медалями.

По-видимому, с подачи Министерства обороны СССР и при содействии И.В. Ковалева отставного генерала принимают на работу в ОТЭИ, в сектор мировой транспортной системы, где он трудился до ухода на пенсию в 1985 г.

Как уже говорилось, «военный» компонент научного коллектива ОТЭИ был представлен не только отставными политработниками и генералами, но и военными инженерами различных специальностей. Для примера можно упомянуть инженер-майора запаса, доктора технических наук Константина Павловича Осминина.

По окончании в 1941 г. Московского авиационного института Осминин в течение 30 лет работал конструктором на авиазаводах и в научно-исследовательских институтах Министерства авиационной промышленности СССР, участвуя в разработках различных типов самолетов. В 1955 г. он защитил кандидатскую, а в 1962-м — докторскую диссертации.

В ОТЭИ К.П. Осминин пришел в 1971 г. на должность заведующего сектором № 4, а с 1973 г. — сектора № 3. В этих секторах проводилось изучение зарубежного опыта в развитии новых технологий и их роли в научно-технической революции. Осминин и его сотрудники выполняли в основном соответствующие заказы руководства Госкомитета по науке и технике Совета Министров СССР.

Бывшие военные инженеры и конструкторы разных специальностей работали и в других секторах ОТЭИ.

Вместе с тем, определяющую роль в деятельности ОТЭИ играли все же не военные, а гражданские специалисты, в подавляющем большинстве экономисты. В ОТЭИ начинали свой путь такие крупные впоследствии ученые, как Л.М. Громов, Е.М. Четыркин, Р.А. Фармазян, С.Е. Благоволин и др. Они заслуживают того, чтобы о них рассказать.

Необычна и в то же время типична для советской эпохи судьба Льва Михайловича Громова.

Он родился в 1918 г. в семье земского страхового агента. Окончив среднюю школу, Лев Громов в 1936 г. поступил на филологический факультет ЛГУ, откуда два года спустя отправился добровольцем в Испанию, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». В течение года работал переводчиком в армии республиканского правительства.

По возвращении на родину Громов возобновил прерванную учебу на филфаке, но вскоре перевелся на открывшийся в ЛГУ экономический факультет. Но и здесь учеба была недолгой. В конце июня 1941 г. Лев Громов уходит добровольцем на фронт и с учетом хорошего знания немецкого языка, попадает в войсковую разведку. К 1944 г. он уже начальник разведотдела дивизии. В мае 1944 г. его отзывают с фронта и направляют на годичную учебу на Высшие разведывательные курсы, по окончании которых Громов получает назначение в ГРУ, где в 1950 г. становится начальником отделения. Одновременно он экстерном завершает учебу в ЛГУ и получает диплом экономиста.

В 1953 г. подполковник Громов увольняется из Вооруженных Сил и трудоустраивается в качестве ассистента на кафедру политэкономии Московского автодорожного института. Спустя два года — новый поворот в его судьбе.

В мае 1955 г. по призыву ЦК КПСС Л.М. Громов отправляется в числе «тридцатитысячников» на подъем сельского хозяйства. В течение трех лет работает председателем колхоза им. Куйбышева Шатурского района Московской области, сумев вывести отстающее хозяйство в передовые. Наверное, он был единственным на всю страну председателем колхоза, владевшим английским, немецким, французским и испанским языками. Его заслуги на фронте колхозного строительства отмечены Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР.

В апреле 1958 г. Громов возвращается в Москву и поступает на работу в отдел технико-экономических исследований ИМЭМО в качестве младшего научного сотрудника без ученой степени. Яркий талант и редкая работоспособность позволяют Громову в короткий срок стать авторитетным специалистом

в области военной экономики ведущих стран Запада. Через два с половиной года он уже заведующий сектором ОТЭИ. В 1965-м Громов защищает кандидатскую диссертацию на тему «Людские ресурсы США», а 1969-м — докторскую «Основные черты военной экономики современного капитализма».

В середине 60-х годов одним из первых он приступает к изучению военно-экономической интеграции в Западной Европе. Впоследствии он всерьез займется методологией долгосрочного прогнозирования, прогнозированием тенденций социально-экономического развития Запада, топливно-энергетической и другими глобальными проблемами человечества. Многие из его трудов будут переведены на иностранные языки в СССР и за рубежом. По представлению директора ИМЭМО академика Е.М. Примакова, Лев Михайлович Громов в 1986 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Работавший с ним В.Л. Лебедев вспоминает: *«Мне он напоминал Суворова — и своей внешностью, и манерами, и силой характера, и громовым басом»*¹.

Л.М. Громов работал в ИМЭМО до самой смерти в 2001 г.

Одним из ближайших соратников Громова в ОТЭИ был сугубо штатский человек — Евгений Михайлович Четыркин, создатель одной из первых в системе АН СССР лабораторий экономико-математических расчетов, крупный ученый в области статистики, экономико-математического моделирования и финансовой математики, а также экономики стран Запада.

Е.М. Четыркин пришел в ИМЭМО в начале 1962 г. За его плечами была учеба в Индустриально-конструкторском техникуме и в Московском финансовом институте, который он окончил в 1955 г., преподавательская работа на кафедре статистики МФИ, заочная аспирантура, защита кандидатской диссертации в 1961 г.

В ОТЭИ Четыркин начинал работать в качестве старшего научного сотрудника, а в 1964 г. создал и возглавил лабораторию экономико-математических расчетов, преобразованную в 1970 г. в лабораторию моделирования социально-экономических процессов. Среди разрабатывавшихся под руководством Четыркина тем: проблема типологии в социально-экономических исследованиях с привлечением факторного анализа и распознавания образов; проблемы разработки динамической модели развития экономики; проблемы управления (исследование методов «затраты — эффективность»); анализ теории принятия решений и др.

В 1967 г. Е.М. Четыркин защитил докторскую диссертацию, затем получил ученое звание профессора, работая по совместительству на кафедре статистики в МФИ. В 1973 г. он возглавил сектор, которым руководил до 1992 г., когда перешел на должность ведущего научного сотрудника. Среди его научных трудов такие солидные монографии, как «Методы финансовых и коммерческих расчетов»; «Эффективность капиталистической экономики»; «Финансово-экономические расчеты»; «Финансовые вычисления во внешнеэкономической деятельности»; «Вероятность и статистика» и др.

¹ Запись беседы с В.Л. Лебедевым.

В 1975 г. профессор Е.М. Четыркин был назначен представителем СССР в Комитете актуариев ООН и постоянно участвовал в ежегодных заседаниях этого международного органа.

Еще один крупный экономист, выросший в ОТЭИ, — Рачик Арташесович Фарамазян.

Уроженец Нагорно-Карабахского села Херхан Рачик Фарамазян начал трудовую жизнь в 1941 г., когда ему было всего 12 лет. Четыре военных года он работал наравне с взрослыми в родном колхозе. В 1947 г. Фарамазян окончил сельскохозяйственный техникум в г. Степанакерте, после чего год отработал ветеринарным фельдшером в одном из колхозов Нагорно-Карабахской Автономной области. С 1948 до 1952 г. он учится на экономическом факультете в Бакинском Институте народного хозяйства им. К. Маркса, по окончании которого получает направление в г. Грозный на должность старшего экономиста областного управления Гострудсберкасс.

Отработав по распределению положенные тогда три года, Фарамазян летом 1955 г. едет в Москву и успешно сдает экзамены в аспирантуру Института экономики АН СССР. Его научным руководителем стал д.э.н. В.Я. Аболтин, назначенный вскоре заместителем директора ИМЭМО. Фарамазян переводится в аспирантуру нового Института, а в январе 1959 г. его зачисляют младшим научным сотрудником в сектор милитаризации экономики. В декабре 1958-го Фарамазян защищает диссертацию и получает ученую степень кандидата экономических наук, а спустя три с лишним года по конкурсу проходит в старшие научные сотрудники. В 1966 г. Фарамазян уже доктор экономических наук, а в 1973-м он становится во главе одного из секторов ОТЭИ. В центре его тогдашних научных интересов — исследование роли государственных финансов в регулировании военной экономики США¹. В 1970 г. выходит в свет его фундаментальная монография «США: милитаризм и экономика», переведенная впоследствии на несколько иностранных языков².

¹ Уже первые работы молодого ученого о путях и средствах повышения эффективности государственного финансирования военных расходов (на примере США) привлекли к себе внимание высшего военного руководства, в частности тогдашнего министра обороны СССР маршала Р.Я. Малиновского, поддержавшего направление исследований Р.А. Фарамазяна. В целом же на всем протяжении советской истории, расходы на оборону определялись не реальными потребностями страны и даже не научно обоснованными расчетами, а исключительно запросами МО СССР, которое так и не научилось считать бюджетные деньги. Поэтому обоснованные призывы Фарамазяна и его коллег из ИМЭМО к оптимизации военных расходов с целью достижения их большей эффективности не всегда встречали понимание не только у военных, что понятно, но и у политиков.

² В 1978 г. в издательстве «Мысль» выходит в свет новая монография Р.А. Фарамазяна «Разоружение и экономика», вызвавшая большой интерес в СССР и за рубежом. В последующие годы под научной редакцией и с авторским участием Фарамазяна публикуется серия коллективных трудов, среди которых: «Гонка вооружений в странах НАТО. Экономический аспект» (1988); «Экономика гонки вооружений и разоружения» (1989); «Военная экономика: адаптация к новым условиям» (1994) и др.

В ОТЭИ Фарамазян занимается прогнозированием военно-экономических приготовлений ведущих западных держав, изучает роль финансов в мобилизации и использовании людских и материальных ресурсов в военных целях, выясняет пути и вероятные варианты повышения эффективности финансирования военных приготовлений в основных странах—участницах НАТО. Он неизменный автор и научный редактор многочисленных разработок для директивных инстанций, заинтересованных министерств и ведомств. В 1980 г. Р.А. Фарамазяну в составе группы ученых ИМЭМО была присуждена Государственная премия СССР, а в 1981 и 1986 гг. он был награжден премиями Совета Министров СССР. С 1988 г. доктор экономических наук Р.А. Фарамазян — главный научный сотрудник ИМЭМО.

В ОТЭИ прошла бóльшая часть жизни Сергея Евгеньевича Благоволина. Он пришел туда в 1961 г. после окончания географического факультета МГУ на должность научно-технического сотрудника. Первые годы Благоволин занимался в ОТЭИ картографией ведущих стран Запада, а затем ему доверили руководить группой, изучавшей размещение производства в США. В годы холодной войны необходимо было точно знать, куда в случае необходимости следовало наносить ракетно-ядерные удары с целью разрушения промышленного потенциала США. Результаты этих исследований были представлены в серии работ о военно-экономическом потенциале США, а также в докладной записке для Госплана СССР «О сдвигах в размещении производства США».

В 1970 г. Благоволин защищает кандидатскую диссертацию, а в 1977-м становится заведующим сектором сводного анализа, где обобщались результаты работ других секторов и готовился «конечный продукт», т.е. отчеты для заказчиков.

Когда в середине 70-х годов на Западе разразился энергетический кризис, С.Е. Благоволин, в числе других специалистов ИМЭМО, занялся вопросами обеспеченности США, других стран НАТО, а также Китая стратегическим (прежде всего энергетическим) сырьем. В центре постоянного внимания Благоволина на протяжении 70—80-х годов стояли вопросы, связанные с военными приготовлениями США и НАТО. Этому была посвящена и его докторская диссертация, защищенная в 1983 г.

К концу 80-х годов доктор экономических наук С.Е. Благоволин, возглавивший расскрещенный к тому времени и реорганизованный ОТЭИ, о чем еще будет сказано, вырос в крупного ученого-международника, основавшего новое направление в исследовании современных международных отношений — анализ глобальной и региональной военно-политической ситуации.

В 90-е годы Благоволин, оставаясь в штате ИМЭМО, активно включился в общественно-политическую жизнь страны, переживавшей глубокие и радикальные перемены. В середине 90-х он станет Генеральным директором Общественного Российского Телевидения (ныне 1-й канал). Его жизнь неожиданно оборвется в 2001 г.

Л.М. Громов, Е.М. Четыркин, Р.А. Фарамазян, С.Е. Благоволин и другие видные экономисты определяли интеллектуальное лицо ОТЭИ.

Хотя ОТЭИ работал преимущественно по материалам иностранной печати, т.е. на открытых источниках (здесь была своя спецбиблиотека), вся его деятельность осуществлялась в режиме секретности¹, которая уже тогда у многих в Институте вызвала скептическое отношение. В конце концов все «секреты» сотрудники ОТЭИ черпали из американского «Бизнес уик», британского «Экономист», из «Милитари бэланс», «Дефанс насьональ», ежегодников СИПРИ² и других более специализированных изданий. Правда, в те годы даже «Таймс» или «Монд» в Советском Союзе можно было читать только в библиотеках спецхрана по особому допуску.

Территориально отдел (до 1978 г.) размещался не в здании ИМЭМО на 2-й Ярославской улице, а в трехэтажном особняке в самом центре Москвы, на углу улицы Семашко (ныне Б. Кисловский переулок) и проспекта Калинина (ныне Воздвиженка), по соседству с магазином «Военторг» и комплексом зданий Генштаба. Сотрудники других отделов ИМЭМО в случае крайней необходимости могли попасть в ОТЭИ только по специальному пропуску. Здание находилось под круглосуточной вооруженной охраной.

Когда ИМЭМО в 1978 г. получил собственное 21-этажное здание на Профсоюзной улице, ОТЭИ выделили в нем два последние этажа, где продолжал действовать особый режим.

Соответственно, и внутренняя жизнь в ОТЭИ существенно отличалась от сравнительно либеральных нравов, утвердившихся в основной части ИМЭМО, хотя с переездом в новое здание эта разница стала постепенно исчезать.

Обособленность в работе ОТЭИ, напрямую завязанного на своих заказчиков из военного ведомства, вызвала растущее беспокойство у Дирекции ИМЭМО, неоднократно пытавшейся добиться более тесного взаимодействия этого подразделения с основной частью Института. Лучше других понимал потенциальную опасность «сепаратистских» тенденций в отделе академик Н.Н. Иноземцев, до которого доходила информация о планах развертывания ОТЭИ в самостоятельный НИИ и выведения его из подчинения ИМЭМО и АН СССР под «крышу» Министерства обороны³. С такой перспективой Иноземцев ни при каких обстоятельствах согласиться не мог. К тому же постоянное

¹ «Да, действительно, — свидетельствует ветеран ОТЭИ В.Л. Лебедев, — *отдел работал по материалам зарубежной печати, но выводы, которые делались из анализа получаемой информации, не предназначались для огласки в открытой печати. Наго учесть и реальности того времени — 60-70-х гг., эпохи конфронтации, со всеми вытекающими последствиями. К тому же, наши исследования касались весьма специфических сторон развития военно-технического и военно-экономического потенциала ведущих стран Запада. Отсюда и закрытость ОТЭИ*» (запись беседы с В.Л. Лебедевым).

² СИПРИ — Стокгольмский институт проблем мира и разоружения, ежегодно выпускающий справочник о военно-политической ситуации в мире.

³ Носителями «сепаратистских» устремлений в ОТЭИ в основном были бывшие военные. Правда, и среди них находились те, кто понимал ошибочность возможного разрыва с ИМЭМО. Такие люди (например, генерал М.И. Сладкевич) искали возможность перейти в другие отделы Института.

беспокойство у Дирекции вызывала нездоровая обстановка, характерная для ОТЭИ, где отставные военные плели интриги и выясняли отношения. Именно по этой причине оттуда вынуждены были уйти Л.М. Громов, Е.М. Четыркин, генерал М.И. Сладкевич и др.

Иноземцев поручил своему заместителю Е.М. Примакову проанализировать проблему ОТЭИ и подготовить соответствующие рекомендации в связи с предстоящим переездом Института в новое здание.

24 марта 1975 г. Е.М. Примаков, замещая отсутствовавшего в то время Иноземцева, созвал заседание Дирекции ИМЭМО.

Из выступления Е.М. Примакова:

«Сегодня мы собрались для того, чтобы обменяться мнениями по вопросу о том, как лучше скоординировать работу между ОТЭИ и основной частью Института. <...>

Исторически сложилось так, что ОТЭИ стоял несколько поодаль от основной части Института, и территориально, и фактически. Это вызывалось и специфичностью тематики ОТЭИ, и соображениями режимности. В дальнейшем такая обособленность будет мешать и работе основной части Института, и работе ОТЭИ. Сейчас в Институте есть ряд проектов, имеющих закрытый характер; создан еще один отдел — Отдел Мирового океана, где концентрируется работа и исследования стратегического порядка по вопросам Мирового океана.

Второй момент — сейчас мы не можем идти в плане развития научного процесса без четкой координации между различными направлениями и звеньями. В основной части Института мы координируем деятельность отдельных подразделений. Вот не так давно происходил комплексный Ученый совет, на котором разбиралась связь внутренних противоречий развития капитализма с осуществлением внешней политики. К обсуждению привлекались представители всех отделов.

В основной части Института создаются комплексные группы, состоящие из специалистов различных профилей. Налаживается кооперация в виде контрактации, когда отдельные подразделения формулируют задачи и просят на них ответить другие подразделения.

Нам предстоит переход в новое здание... Это создаст лучшие условия для работы. Ряд служб будут объединены. Это потребует некоторых структурных изменений в ОТЭИ — передачи некоторых подразделений в основную часть Института, выделения ряда специфических вопросов, которые будут находиться в рамках ОТЭИ.

Вопрос о судьбе ОТЭИ окончательно пока не решен. Имеются разные точки зрения. Николай Николаевич Иноземцев считает, что ОТЭИ является неразрывной частью Института (выделено мною. — П.Ч.) и вопрос должен решаться с позиций улучшения, более скоординированной работы между ОТЭИ и основной частью Института.

Прошу, чтобы выступления были максимально деловыми. Это начальный процесс нашей работы. На следующем этапе будет создана комиссия

для организационного решения вопросов. Сейчас хотелось бы услышать о том, как сделать так, чтобы улучшить работу всего нашего Института, включая ОТЭИ»¹.

Выступившие на заседании руководители ряда отделов и секторов констатировали слабую координацию исследований, проводимых в основной части Института, с работой ОТЭИ. Отмечалась, в частности, практическая недоступность библиотеки ОТЭИ для работы в ней сотрудников других отделов. Приводились примеры дублирования одних и тех же тем, высказывались предложения об уточнении тематики ОТЭИ и о частичной ее передаче, вместе с сотрудниками, в основную часть Института. Прозвучало и предложение о полном слиянии ОТЭИ с основной частью ИМЭМО. Итоги обсуждения подвел Е.М. Примаков.

Из выступления Е.М. Примакова:

«Правильным ключом к решению стоящей перед нами проблемы является мысль, прозвучавшая в выступлении т. Фарамазяна — следует прежде всего уточнить тематику ОТЭИ. Речь идет о том, чтобы сузить ее до тех специфических задач, ради решения которых и был создан ОТЭИ.

Второй момент. Ту специфическую тематику, которая есть у ОТЭИ, тоже следует сузить и сделать ее отвечающей тем реальным возможностям для ее покрытия, которые имеются и у ОТЭИ, и у всего Института.

Это характерно для многих подразделений Института, когда мы брали задания, не имея для этого достаточного обеспечения. В результате выполняли их часто формально, а иногда и вовсе не выполняли. И тут я хочу повторить слова Николая Николаевича. Он настаивает на том, чтобы тематика ОТЭИ была сужена до тех реальных возможностей, для покрытия которых у ОТЭИ есть на сегодня силы. <...>

В любом случае, при любых организационных решениях Генеральный Штаб заинтересован в разработке определенной тематики в недрах АН СССР. Нельзя, чтобы, существуя в рамках Института, ОТЭИ отгораживался от другой части Института (выделено мною. — П.Ч.). Неверно, когда и другие подразделения Института, ведя разработку важнейших тем, выполняя важнейшие задачи, не привлекают к этому ОТЭИ. ОТЭИ является отделом Института, как и другие отделы, выполняющие специальные задачи. Владимир Иванович (Стригачев. — П.Ч.), подписывая документы, выходящие из ОТЭИ, подписывается не как заведующий отделом, а как заместитель директора ИМЭМО (выделено мною. — П.Ч.). В таком же качестве он действует при определении задач, которые ставятся перед ОТЭИ, при определении тех конкретных вопросов, которые даются ОТЭИ. Николай Николаевич просит все эти вопросы согласовывать с дирекцией Института непосредственно.

¹ Архив ИМЭМО РАН.

Что касается дальнейших наших шагов, то лучше всего самому ОТЭИ твердо отработать основные направления работы отдела, основную тематику по этим направлениям, отработать вопросы, связанные с обеспечением разработки этих основных направлений. Часть исследовательской работы будет происходить в самом ОТЭИ, другая часть — за счет сил других подразделений Института. Но идти это должно от самого ОТЭИ. <...>

Что касается информационной работы и работы библиотеки, то давайте твердо договоримся, что нужно вести дело к созданию информационной службы и единой библиотеки. <...> У нашей библиотеки может быть филиал в ОТЭИ, в виде информационной группы. Информационный отдел может иметь свой филиал в ОТЭИ. Нужно дать товарищам из ОТЭИ доступ к досье, которые накапливаются в информационном отделе. Нужно договориться и по транспортировке. С другой стороны, нужно сделать так, чтобы наши товарищи бесперебойно получали новую литературу. Нельзя забывать, что все мы работаем в одном Институте (выделено мною. — П.Ч.) и информационный отдел у нас единый. Прошу ученого секретаря прогуманить этот вопрос. <...>

Повторяю, начать нужно с того, что твердо отработать направления работы ОТЭИ, темы, которыми ОТЭИ будет заниматься, и обеспечивать эти темы за счет собственных сил и за счет сил Института в целом. Параллельно с этим мы должны работать по обеспечению бесперебойности в решении вопроса с библиотечно-информационной базой»¹.

После этого заседания всем стало ясно, что ОТЭИ в его прежнем виде не переживет переезда ИМЭМО в новое здание. К тому же в основной части Института уже развернулись исследования по военно-политическим аспектам современных международных отношений (в отделе международных отношений). В 1974 г. был сформирован отдел экономики отраслей материального производства под руководством кандидата (впоследствии доктора) экономических наук Юрия Викторовича Куренкова. В отделе развернулись исследования в области прогнозирования развития материального производства, эффективности научно-технического прогресса в странах Запада, структурных сдвигов в экономике, в накоплении и обновлении основного капитала, промышленной политики, конкурентоспособности в рыночной экономике, конверсии ВПК. После создания отдела Куренкова Дирекция Института была намерена еще более сузить тематику ОТЭИ, отказавшись от изучения там военно-технических вопросов. Используя свои возможности в ЦК КПСС, Иноземцеву удалось устранить угрозу «ухода» ОТЭИ из ИМЭМО. Им было принято окончательное решение о реорганизации ОТЭИ.

Неотвратимость перемен, которые, очевидно, ему нелегко было принять, понял и сам В.И. Стригачев. 15 марта 1977 г. он подал на имя Н.Н. Иноземцева заявление с просьбой освободить его от обязанностей заместителя директора ИМЭМО и заведующего ОТЭИ.

¹ Архив ИМЭМО РАН.

«В последние годы я довольно часто и на длительное время заболела, — писал Стригачев. — Сказываются и годы Великой Отечественной войны, и участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956—1957 гг., крайнее напряжение на работе, стрессовые ситуации вне работы. <...> Поэтому прошу Вас убедительно: во-первых, возбудить ходатайство перед Президиумом АН СССР об освобождении меня от обязанностей заместителя директора ИМЭМО АН СССР, во-вторых, освободить меня от должности заведующего ОТЭИ ИМЭМО; в-третьих, перевести меня на исследовательскую работу в лабораторию № 1 ОТЭИ.

С глубоким уважением

В.И. Стригачев»¹.

Просьба создателя и многолетнего руководителя ОТЭИ была удовлетворена. Из Постановления № 435 Президиума АН СССР от 12 мая 1977 г.:

«1. Удовлетворить просьбу доктора экономических наук Стригачева В.И. об освобождении его от обязанностей заместителя директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР по состоянию здоровья.

2. Утвердить доктора исторических наук Быкова Олега Николаевича заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Президент АН СССР
академик А.П. Александров

Главный ученый секретарь
член-корреспондент АН СССР Г.К. Скрябин»².

В соответствии с его пожеланием В.И. Стригачев был переведен на должность главного исследователя в лабораторию № 1 ОТЭИ.

Куратором ОТЭИ был назначен новый заместитель директора ИМЭМО О.Н. Быков, сохранивший за собой и руководство отделом международных отношений. С уходом из ИМЭМО Е.М. Примакова, ставшего директором Института востоковедения АН СССР, в ведение Быкова была передана вся международно-политическая и военная проблематика, разрабатывавшаяся в Институте.

Непосредственным руководителем ОТЭИ в апреле 1978 г. был назначен кандидат экономических наук Евгений Владимирович Бугров, ведущий исследователь отдела экономики США. Его назначение совпало с переездом Института, включая ОТЭИ, в новое здание на Профсоюзной улице.

¹ Личное дело В.И. Стригачева // Архив ИМЭМО РАН.

² Там же.

Евгений Владимирович Бугров родился в 1926 г. в Твери (Калинине). Среднее образование он получил в школе-семилетке и в Калининском машиностроительном техникуме. В 1945 г. Бугров отправился в Москву и поступил в недавно открывшийся МГИМО, который окончил в 1950 г. с дипломом юриста-международника, референта-переводчика по США. Затем три года аспирантуры в родном институте, кандидатская степень и год работы там же преподавателем политэкономии.

В январе 1955 г. Бугрова направляют в Прагу в качестве представителя советской молодежи в Международном союзе студентов. Через три года он возвращается в Москву и назначается заместителем председателя Комитета молодежных организаций (КМО), председателем Студенческого совета СССР. На этих должностях Бугров работает в течение двух лет. Последующие два года он вновь преподает политэкономия в МГИМО, а в 1962-м получает назначение на пост советника по вопросам культуры в посольстве СССР в Вашингтоне. Работа в США продолжалась четыре года.

В апреле 1966 г. Бугров становится консультантом отдела информации ЦК КПСС, а после ликвидации этого отдела в мае 1968 г. переходит в ИМЭМО, где возглавляет в отделе информации проблемную группу по США. В 1971 г. Бугров становится заведующим сектором политической информации в отделе информации, а в июне 1972-го его назначают советником по экономическим вопросам в советское посольство в Вашингтоне. Его вторая командировка в США, как и предыдущая, продолжалась четыре года.

В марте 1976 г. Бугров возвращается в ИМЭМО — теперь уже на должность ведущего исследователя отдела экономики США¹. А через два года его выдвигают на должность заведующего ОТЭИ, но без ранга заместителя директора ИМЭМО, какой был у его предшественника, Стригачева.

Под его руководством отдел существенно перестроил свою работу. Была реорганизована его структура, уточнена тематика исследований, как того требовала Дирекция ИМЭМО². Под руководством Бугрова ОТЭИ стал более органичной частью Института, хотя сохранявшийся в нем режим секретности по-прежнему препятствовал полной интеграции отдела с основной частью ИМЭМО. Евгению Владимировичу — человеку спокойному и вместе с тем

¹ В 1980 г. Е.В. Бугров станет доктором экономических наук и в том же году, в составе группы ведущих ученых ИМЭМО, будет удостоен Государственной премии СССР за активное участие в проведении ситуационных анализов.

² Среди крупных работ, выполненных в ОТЭИ при Е.В. Бугрове, можно упомянуть следующие: «Военная промышленность основных стран-членов НАТО, ее производственные мощности и мобилизационные возможности»; «Методика комплексного прогнозирования параметров военно-технического прогресса»; «Динамика и отраслевая структура финансирования фундаментальных и прикладных исследований, проводимых в США в интересах Министерства обороны»; «Военно-экономические аспекты создания космических систем в США»; «Военно-экономические аспекты реализации программ создания стратегических и обычных видов вооружений основных стран НАТО»; «Оценка возможностей военных отраслей промышленности основных стран НАТО по производству вооружений и военной техники» и др.

волевому и решительному — удалось положить конец интригам, характерным для ОТЭИ чуть ли не со времени его создания.

С обособленностью ОТЭИ было покончено в 1985 г., когда новый директор ИМЭМО А.Н. Яковлев счел невозможным сохранение в структуре Института подразделения, которое, как ему казалось, полностью не контролировалось Дирекцией. В результате ОТЭИ был ликвидирован. На его основе был создан отдел военно-экономических и военно-политических исследований (ОВЭВПИ). Смысл проведенной А.Н. Яковлевым реорганизации сводился к тому, чтобы, во-первых, объединить в одном месте всю «военную» проблематику, дополнив военно-экономические исследования военно-политическими¹, во-вторых, сделать эти исследования более прозрачными, т.е. подконтрольными Дирекции, а в-третьих, ликвидировать прямую зависимость от Министерства обороны путем свертывания в отделе военно-технической проблематики, на разработку которой там не было ни кадровых, ни информационных возможностей. Последнее обстоятельство позволяло отменить надоевший всем и давно изживший себя режим секретности.

Многие в ОТЭИ да и кое-кто в Институте полагали, что радикальная реорганизация «военного» отдела — это произвольное и единоличное решение А.Н. Яковлева. С этим мнением решительно не согласен академик В.А. Мартынов, бывший тогда заместителем директора ИМЭМО.

Из воспоминаний В.А. Мартынова:

«Александр Николаевич (Яковлев. — П.Ч.) в своей деятельности советовался и со своими замами, и с ведущими научными сотрудниками. Поэтому предпринятая им реорганизация ИМЭМО... не результат его некомпетентности, а согласованное решение Дирекции. ...Преобразование ОТЭИ было важным этапом развития науки и избавления от тех кадров, которые никакого отношения к науке давно не имели. Кроме того, удалось избавиться и от группы генералов и полковников, направленных к нам на работу Министерством обороны. Насколько я был знаком с работой ОТЭИ, к тому времени это было далекое от науки подразделение Института»².

В 1985 г., одновременно с провозглашением М.С. Горбачевым курса на гласность и перестройку, на верхних этажах здания ИМЭМО были демонтированы система сигнализации и металлические заграждения, отделявшие бывший ОТЭИ от других отделов Института. Исчезла и круглосуточная вооруженная охрана.

Не все в ИМЭМО одобрительно отнеслись к ликвидации ОТЭИ и к другим реформам, осуществленным в Институте А.Н. Яковлевым, который в скором

¹ В ОВЭВПИ из отдела международных отношений в полном составе перешел сектор военно-политических проблем под руководством д.и.н. А.Д. Никонова. В секторе работали такие видные специалисты-международники, как д.и.н. Д.М. Проэктор, д.и.н. Б.М. Халоша и др.

² Из воспоминаний академика В.А. Мартынова, любезно предоставленных в распоряжение автора.

времени перешел на работу в ЦК КПСС. Прежде всего не мог смириться с этим создатель ОТЭИ В.И. Стригачев. Поняв, что судьба его детища предрешена, Владимир Иванович, не дожидаясь формального закрытия ОТЭИ, подал в декабре 1984 г. заявление об уходе из ИМЭМО. Он перешел на работу в Отдел теоретических проблем АН СССР, где его избрали по конкурсу на должность заведующего сектором.

После проведенной Яковлевым реформы ОТЭИ Е.В. Бугров продолжал руководить отделом, но по достижении пенсионного возраста неожиданно запросился в отставку, которую с явной неохотой принял новый директор, академик Е.М. Примаков¹. Поначалу Евгений Владимирович перешел на должность заведующего сектором, а в 1992 г. — ведущего научного сотрудника. Он умер в феврале 1994 г. в возрасте шестидесяти семи лет.

Преемником Бугрова в ОВЭВПИ стал упоминавшийся уже С.Е. Благоволин, активно содействовавший в 1984—1985 гг. ликвидации ОТЭИ. При нем в начале 90-х годов, ОВЭВПИ переживет очередную реформу, превратившись в отдел стратегического анализа.

Из воспоминаний ветерана ОТЭИ — ОВЭВПИ, доктора экономических наук Р.А. Фарамазяна:

«В 80-х годах возникла объективная необходимость в уточнении основных направлений деятельности ОТЭИ, его адаптации к изменившимся условиям и требованиям. Поэтому взятый курс на перестройку отдела в целом был оправданным. Однако вряд ли было целесообразно так резко сокращать военно-экономическое направление проводимых в отделе исследований, что привело к оттоку квалифицированных кадров военных экономистов.

Такая переориентация привела к тому, что отдел в значительной степени потерял свое первоначальное предназначение как специализированного центра по исследованию военно-экономических проблем.

¹ В приказе, подписанном Е.М. Примаковым 24 ноября 1986 г. в связи с 60-летием Е.В. Бугрова, в частности, отмечалось: «Евгений Владимирович работает в ИМЭМО с 1968 г. Он пришел в Институт уже сложившимся ученым-международником, имея за плечами большой опыт партийной, дипломатической и научно-педагогической работы. За годы работы в ИМЭМО ярко раскрылся его талант исследователя. Круг научных интересов Е.В. Бугрова очень широк. Ему принадлежат крупные научные работы в области мирового капиталистического хозяйства, разработки важных военно-экономических и военно-политических проблем. Его труды получили широкую известность у нас в стране и за рубежом. В качестве представителя СССР Е.В. Бугров принимал участие в работе группы экспертов по подготовке доклада Генерального секретаря ООН «Исследование взаимосвязи между разоружением и международной безопасностью». Под его руководством и при его активном участии выполнен ряд коллективных трудов, получивших высокие оценки, отмеченных премиями и благодарностями. За цикл работ по международной проблематике в 1980 г. Е.В. Бугров был удостоен Государственной премии СССР. Евгений Владимирович пользуется большим и заслуженным авторитетом и уважением товарищей по работе» // Архив ИМЭМО РАН.

В результате неоднократно проводимых изменений в названии и направленности деятельности отдела тематика его военно-экономических исследований резко сузилась — в то время, когда интересы национальной безопасности России требуют усиления внимания к поискам путей повышения эффективности экономического обеспечения военного строительства, реформирования оборонно-промышленного комплекса, укрепления военно-экономической и военной безопасности страны»¹.

«Действующие резервисты» и ветераны разведки

Проблематика, которая разрабатывалась в ИМЭМО, представляла очевидный интерес не только для Министерства обороны, но и для КГБ СССР, точнее — для его внешней разведки (Первое Главное Управление — ПГУ).

Комитет государственной безопасности с полным основанием считался самой осведомленной организацией в Советском Союзе. Подобная осведомленность обо всех сторонах внутренней жизни, о внешнеполитическом и внешнеэкономическом положении СССР складывалась не только (а может быть, и не столько) из агентурных, но и из вполне «легальных» источников, в частности из информации, поступавшей от всех без исключения советских организаций и предприятий, будь то министерство, воинская часть, колхоз, университет, завод или научно-исследовательский институт. Соответственно КГБ в той или иной форме повсеместно был представлен своими штатными или внештатными сотрудниками.

Существовавшая в СССР система предполагала обязательное информирование «компетентных органов» обо всех официальных и неофициальных контактах с иностранцами. Когда, скажем, советский ученый или научная делегация возвращались из зарубежной командировки, руководитель (или командируемый) обязан был в двухнедельный срок представить в Дирекцию института или в Президиум АН СССР подробный письменный отчет в трех—четыре экземплярах. Один из них обязательно отсылался в КГБ, о чем отчитывавшийся не всегда даже догадывался.

Тот же порядок действовал и в отношении принимавшихся в Советском Союзе иностранных ученых, общественных и политических деятелей. После каждой такой встречи составлялся (опять же в нескольких экземплярах) «Отчет о беседе», передававшийся в Секретариат по международным научным связям. В отчете сообщались общие сведения о том или ином собеседнике, тематика обсуждавшихся с ним вопросов, а также мысли, соображения и предложения, высказанные иностранным гостем.

Из всего этого огромного информационного массива аналитики ПГУ (или контрразведки) могли извлекать нужные им сведения о настроениях и подходах западной политической элиты к тем или иным международным вопросам, а также к отношениям с СССР. По результатам изучения и обобщения этого

¹ Запись беседы с Р.А. Фарамазяном 2 апреля 2003 г.

материала, по-видимому, готовились соответствующие справки и рекомендации, которые могли быть использованы советским руководством при принятии тех или иных решений. Вполне возможно, что в период холодной войны аналогичная (или похожая) система действовала и в странах Запада.

Определенный интерес в ПГУ КГБ вызывали исследования ИМЭМО в области международного прогнозирования. С начала 70-х годов Институт начинает получать оттуда отдельные заказы на проведение прогнозных исследований, затрагивавших, в частности, перспективы развития отношений между тремя «центрами силы» — США, Западной Европой и Японией, между Западом и Китаем. Со своей стороны, в ГРУ интересовались мнением специалистов ИМЭМО о перспективах политической и особенно военной интеграции в Западной Европе, о будущем взаимоотношений объединяющейся Европы и НАТО.

Проводившиеся в ИМЭМО по заказам КГБ и ГРУ разработки носили закрытый характер, но по своему содержанию они ничем не отличались от тех исследований, которые Институт выполнял для ЦК КПСС, Госплана, Внешторга и других «гражданских» ведомств.

Среди научных сотрудников ИМЭМО, как и в других институтах АН СССР, было определенное число «действующих резервистов» КГБ, т.е. временно прикомандированных офицеров, ожидавших назначения на оперативную или иную работу в своем ведомстве. До 1991 г., когда последний председатель КГБ В.В. Бакатин издал распоряжение об отзыве всех офицеров «действующего резерва» КГБ из гражданских организаций, их можно было встретить повсюду — в МИД, в МВТ, в ТАСС, в АПН, в редакциях газет и журналов, на радио и телевидении, в Академии наук СССР...

Как правило, никто из коллег не знал достоверно об их принадлежности к «органам», никто не знал, чем занимались эти люди параллельно с основной работой, так как работали они наравне с другими, а нередко и лучше многих.

В этом смысле ИМЭМО не составлял исключения. Более того, сама проблематика Института, направление его исследований должны были служить дополнительным стимулом для внедрения в него Комитетом своих людей — как «действующих резервистов», так и «добровольных помощников».

Лишь после крушения советского строя стали известны имена отдельных офицеров «действующего резерва» КГБ, работавших в ИМЭМО. Самым именитым из них оказался Георгий Гаврилович Матюхин, первый председатель Центрального Банка России. О его былой принадлежности к КГБ было публично объявлено в начале 90-х годов при назначении в Центробанк.

Г.Г. Матюхин пришел в ИМЭМО в 1973 г. на должность ведущего исследователя отдела экономики стран Западной Европы. По всей видимости, тогда он уже выбыл из «действующего резерва» КГБ в запас. За плечами уроженца г. Барнаула была учеба в Семипалатинском геологоразведочном техникуме (1949—1952), трехлетняя работа по специальности в геологических управлениях в Душанбе, Бийске и Пхеньяне, затем учеба в МГИМО и работа в Министерстве внешней торговли СССР, заочная аспирантура в Московском финансовом институте, защита кандидатской диссертации, переход на работу

в Госплан, затем в Международный инвестиционный банк СЭВ и, наконец, в ИМЭМО.

Здесь он в короткий срок подготовил и в 1978 г. успешно защитил докторскую диссертацию, стал заместителем заведующего отделом, а главное — вырос в крупного специалиста в области валютно-финансовых проблем Запада и экономики западноевропейских стран. При этом в Институте мало кто знал, что общительный, располагающий к себе Матюхин — капитан запаса КГБ. Об этом его коллеги, как и вся страна, узнают только через десять с лишним лет, при назначении Георгия Гавриловича на пост главы Центрального Банка России. Из ИМЭМО Матюхин уволился в 1980 г.

Офицером «действующего резерва» КГБ был ученый секретарь ИМЭМО по международным научным связям (1968—1975) Юрий Александрович Костко. В 1952 г. вчерашний фронтовик с отличием окончил турецкое отделение Московского Института востоковедения и был направлен на работу во внешнюю разведку МГБ. В ИМЭМО Костко пришел в 1967 г., а через год стал ученым секретарем по международным научным связям. По тогдашним правилам, эта должность в системе АН СССР обычно занималась офицерами «действующего резерва» КГБ. Об этом все знали, и по этой причине принадлежность Ю.А. Костко к «органам» для многих была очевидна. Видимо, это не было секретом и для наиболее проникательных иностранных ученых, посещавших Институт. Иной раз, встречая за рубежом сотрудника ИМЭМО, они с многозначительной улыбкой интересовались: «А как там поживает «полковник Костко?». Озадаченному такой неделикатностью «имэмовцу» приходилось делать непонимающие глаза и лепетать в ответ что-то невразумительное о фронтовой биографии эlegantного ученого секретаря, в 1945 г. освобождавшего Прагу. В конце концов в Институте не знали толком, в каком звании пребывает уважаемый Юрий Александрович — майора или полковника. А в представлении иностранцев, все сотрудники КГБ обязательно были полковниками.

В 1975 г. Ю.А. Костко защищает кандидатскую диссертацию и переходит на научную работу в группу европейской безопасности, которой руководил д.и.н. Д.М. Проэктор. Здесь он исследовал проблематику сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Во второй половине 70-х годов Ю.А. Костко, помимо прочего, владевший английским, французским и турецким языками, привлекался в качестве советника-эксперта советской делегации на Венских переговорах по ОВСВ в Центральной Европе, а также на Белградской встрече государств—участников СБСЕ. Им был написан ряд глав и разделов в коллективные работы по проблеме безопасности и сотрудничества в Европе.

В 1980 г. Костко временно уходит из ИМЭМО, куда возвращается спустя четыре года. Говорили, что за это время он успел побывать в Афганистане. В последующем Костко занимался изучением вопросов национальной безопасности СССР, а затем России. В 1994 г. он окончательно вышел на пенсию.

Наряду с «действующими резервистами», в ИМЭМО работала немногочисленная, но довольно внушительная по составу группа ветеранов советской

разведки — КГБ и ГРУ. В Институт они пришли разными путями и в разные годы. Всех их объединял богатый жизненный и профессиональный опыт, более или менее широкие взгляды, глубокое знание «капиталистической действительности», свободное владение иностранными языками. В Институте их судьбы сложились по-разному. Одни сумели найти себя и полностью реализовать в новой профессии — исследователя международных экономических и политических проблем. Другие преуспели в меньшей мере. Но и те, и другие, по большей части, оказались весьма полезными для Института как носители «живых», а не только книжно-газетных, как у большинства сотрудников, знаний о внешнем мире.

Первым из ветеранов разведки, если не считать упоминавшихся уже В.Я. Аболтина и Я.А. Певзнера, в ИМЭМО пришел Залман Вульфович Литвин.

Он родился в 1908 г. в семье приказчика в г. Улан-Уде. По окончании учебы в Дальневосточном университете, где он освоил английский и китайский языки, Литвин в течение трех лет работал в различных внешнеторговых объединениях и неоднократно выезжал в служебные командировки в Китай. По всей видимости, уже тогда он негласно находился на службе в РККА¹.

В 1934 г. Литвина по линии Разведывательного управления РККА направляют в Китай в качестве помощника резидента. Он добывает информацию о вооруженных силах Японии в Китае, Монголии и Корее. В 1937 г. его посылают в США с целью организации нелегальной резидентуры ГРУ. Там он легализуется под именем Игнасия Самуэля Витчака, польского эмигранта, и вскоре поступает на учебу в Южно-Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Получив в 1941 г. диплом об окончании университета, он остается на факультете политических наук в качестве научного сотрудника. Одновременно руководит созданной им резидентурой, собирая информацию военно-технического характера.

Как впоследствии рассказывал сам Литвин, однажды он чуть не провалился, когда Южно-Калифорнийский университет неожиданно посетил министр народного образования польского эмигрантского правительства. Ректор университета, желая сделать гостю приятное, пригласил на встречу с ним своего сотрудника польского происхождения — Игнасия Витчака, полагая, что двум соотечественникам будет о чем поговорить. Литвин, не говоривший по-польски, оказался на грани провала. Он не мог не пойти на встречу, которая обещала неминуемое разоблачение. Выручила смекалка. С первой же минуты он заговорил с польским министром по-английски, сославшись на то, что в присутствии американцев им будет неудобно говорить по-польски. При первой же возможности Литвин—Витчак поспешил откланяться, сославшись на какие-то срочные дела на факультете. Легко догадаться, что все это время нервы резидента ГРУ были на пределе.

В конце войны Центр подключает Литвина к раскрытию секретов т.н. «Манхэттенского проекта» (создание американской атомной бомбы). Преда-

¹ Некоторые сведения о З.В. Литвине приводятся в справочнике по истории ГРУ // Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ. Дела и люди. СПб. — М., 2002. С. 423.

тельство И. Гузенко, шифровальщика советской военной миссии в Канаде, вывело ФБР осенью 1945 г. на советскую агентурную сеть в США. За Литвиным, по его рассказам, была установлена откровенная круглосуточная слежка. Буквально чудом, используя возможности «соседей» (так называли друг друга разведчики из ГРУ и КГБ), Литвину удалось оторваться от преследования агентов ФБР и благополучно покинуть территорию США... в резервном паровом котле (!) океанского лайнера.

Совршив кругосветное «путешествие», Литвин вернулся в Москву. Здесь ему повезло вторично. Он не попал под подозрение МГБ, как некоторые из его коллег. С учетом его богатого американского опыта, Литвина назначают начальником «точки», где готовились агенты-нелегалы для работы в США. Одновременно полковник Литвин преподает в Специальной академии Генерального штаба, где читает лекционный курс по экономике и политике США.

В марте 1946 г. ГРУ при содействии внешней разведки МГБ удалось организовать нелегальный выезд из США семьи Литвина — жены и родившегося в Америке сына.

Антисемитская кампания, развязанная в СССР в последние годы жизни Сталина, ударила и по кадрам разведки, в том числе военной, откуда начали увольнять (и даже арестовывать) лиц еврейской национальности. Полковника З.В. Литвина, как выслужившего 25 лет, в 1953 г. просто уволили в запас. Его многолетняя служба в разведке, учитывая большие заслуги, была оценена весьма скромно — два ордена Красной Звезды и четыре медали.

После демобилизации полковник ГРУ З.В. Литвин получил от Коминтерновского РК КПСС Москвы «ответственное» направление на должность пропагандиста молочного завода, где его вскоре выдвигают в заместители секретаря парторганизации. Партийно-пропагандистская деятельность Литвина на молокозаводе продолжалась три года.

Летом 1956 г. он узнает о только что открытом в Москве Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР. Литвин находит подходы к его директору А.А. Арзуманяну, который соглашается принять отставного разведчика-молокопроизводителя на работу в Институт.

В октябре 1956 г. для Залмана Вульфовича Литвина начинается новая жизнь. Он становится младшим научным сотрудником сектора информации ИМЭМО. Знание двух языков (английского и китайского), опыт переводческо-редакторской работы в Военной академии, наконец, организаторские способности позволили Литвину уже через четыре года стать заместителем главного редактора Информационного бюллетеня ИМЭМО, в 1965-м возглавить аспирантуру, а в 1968 г. — получить назначение на должность ученого секретаря Института. Эту должность он занимал почти семь лет. В 1964 г. Литвин защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук.

Поначалу он занимался изучением внешней и военной политики США, опубликовав ряд статей в журнале «Мировая экономика и международные отношения». В 70—80-е годы область его научных интересов переместилась на исследование проблем безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он живо интересовался политическим развитием Китая после смерти Мао

Цзедуна. З.В. Литвин проработал в ИМЭМО до самой смерти, последовавшей в 1993 г.

Литвин «приобщил» к ИМЭМО другого ветерана ГРУ, отставного полковника Якова Григорьевича Бронина¹.

Член коммунистической партии с 1920 г., Я.Г. Бронин (настоящая фамилия Лихтенштейн) был принят в советскую военную разведку самим ее создателем Я.К. Берзиным, когда завершал учебу на историко-партийном факультете в Институте красной профессуры. Берзин, нередко посещавший ИКП в поисках перспективных кадров для своего ведомства, лично отобрал Бронина среди других студентов.

Впоследствии Бронину довелось работать на нелегальном положении во многих странах Европы и Дальнего Востока. Перед отправлением в Китай в 1933 г. его наставлял в Берлине сам легендарный Рихард Зорге². Бронин был «сменщиком» Зорге в качестве резидента советской военной разведки в Шанхае.

В конце 1935 г. Бронин был арестован китайской контрразведкой и осужден на 15 лет тюрьмы, но два года спустя его обменяли на сына Чан Кайши, находившегося в то время в СССР. По возвращении в Москву Яков Григорьевич в течение двух лет занимался подготовкой агентов-нелегалов для работы за рубежом, затем читал курс агентурной разведки в Высшей специальной школе Генштаба РККА, а в 1941—1949 гг. руководил кафедрой иностранных языков в Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина.

В сентябре 1949 г. он был арестован и осужден на 10 лет. Как рассказывал сам Бронин, уголовники, с ведома и при попустительстве лагерной администрации, всячески издевались над «честными коммунистами», нередко избивая их. У Якова Григорьевича они сломали два ребра и выбили все зубы³.

В 1955 г. Бронин был освобожден и полностью реабилитирован. Его восстановили в партии и в воинском звании. Оформив военную пенсию, он не знал, чем заняться. Пропагандистская работа по линии райкома и горкома партии не могла в полной мере удовлетворить ветерана разведки, владевшего несколькими иностранными языками.

Поэтому он с готовностью принял предложение своего бывшего коллеги З.В. Литвина о сотрудничестве с ИМЭМО. В 1960 г. в соавторстве они публикуют на страницах журнала «МЭ и МО» статью о роли разведки в политической системе США⁴.

¹ См. о нем: *Лурье В.М., Кочик В.Я.* Указ соч. С. 354—355.

² *Горев Я.* Я знал Зорге. М., 1964 (Я. Горев — псевдоним Я.Г. Бронина. — П.Ч.).

³ Допущенная в отношении его несправедливость, как и десятилетнее заключение в ГУЛАГе, не изменили твердых коммунистических убеждений Я.Г. Бронина, сформировавшихся в 20—30-е годы. Выйдя на свободу, он рассказывал, что большинство узников ГУЛАГа были настоящими «врагами народа», а такие как он — «преданные большевики» — попали туда «по ложным доносам» или «по недоразумению». В то же время Бронин был скорее убежденным ленинцем, нежели сталинистом.

⁴ *Бронин Я., Литвин З.* О роли разведки в политическом механизме американского империализма // МЭ и МО, 1960, № 9. С. 121—129.

В дальнейшем Я.Г. Бронин, не будучи штатным сотрудником ИМЭМО, работает в институтской библиотеке над диссертацией о генерале де Голле. В 1968 г. защищает ее на Ученом совете Института, который рекомендует эту работу для публикации под грифом «Для служебного пользования». Книга Бронина стала первой советской научной биографией генерала де Голля. Автор очень хотел опубликовать ее для широкого читателя, но не сумел найти издателя. А вскоре его опередил известный историк Н.Н. Молчанов (бывший сотрудник ИМЭМО), выпустивший политическую биографию де Голля несколькими изданиями.

В 70—80-е годы, уже будучи человеком весьма преклонного возраста, Я.Г. Бронин на договорной основе активно сотрудничал с сектором международно-политических проблем Европы ИМЭМО, исследуя вопросы международных отношений в Средиземноморском регионе¹. Он умер в сентябре 1984 г.

Третьим из когорты «грушников» довоенного призыва, работавших в ИМЭМО, был Михаил Самойлович Шмелев (настоящая фамилия Герценштейн).

Из автобиографии М.С. Шмелева:

«Родился 30 июня 1910 года в гор. Умань Киевской обл. УССР. Отец мой был служащим Общества «Врачебных ночных дежурств», а мать — домашней хозяйкой. В мае 1919 года родители умерли от тифа в г. Умань. С 1919 по 1925 год находился в детском доме в гор. Умань. До 1925 года окончил 7 классов средней школы, а с 1925 г. по 1928 год учился и окончил 3 курса Военной рабочей школы повышенного типа (по программе техникума)»².

С 1928 г. жизнь Шмелева на сорок лет неразрывно связана с армией, где первое время он быстро продвигался по служебной лестнице. В 1934 г. 24-летний Шмелев уже начальник штаба полка, откуда он поступает на учебу на специальный факультет Военной академии им. Фрунзе, где, помимо прочего, изучает китайский и английский языки. В 1937 г. он завершает учебу, получив диплом с отличием и направление на службу в Разведуправление РККА. С апреля 1938 по октябрь 1939 г. Шмелев находился в командировке в Китае в качестве советника китайской армии, сражавшейся с японскими интервентами. Там Шмелев близко знакомится с руководителями освободительной войны — Чан Кайши, Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и др. Там же он встречается с другим советским военным советником, полковником А.А. Власовым, который в годы Великой Отечественной войны, командуя 2-й ударной армией, перейдет на сторону врага и сформирует т.н. Русскую Освободительную Армию (РОА).

¹ См. Бронин Я.Г. Политика империалистических держав в районе Средиземного моря. М., 1984.

² Личное дело М.С. Шмелева // Архив ИМЭМО РАН.

К началу войны подполковник Шмелев был одним из руководящих работников Дальневосточного отдела ГРУ. Среди его подопечных нелегалов — группа Рихарда Зорге, работавшая в Японии и в Китае.

По рассказам Шмелева, он был последним, кто в предвоенной Москве видел Рихарда Зорге во время его тайного приезда в СССР. Вскоре после отъезда «Рамзая» в Японию Шмелев впервые узнал от своего руководства, что Зорге еще со времени ареста в 1937 г. создателя ГРУ Я.К. Берзина находился под подозрением у НКВД как двойной агент. Шмелев едва не заплатился жизнью за то, что выпустил «немецкого шпиона» за пределы СССР, не передав его в НКВД. Спасла Шмелева редкая находчивость. Когда начальник, недавно присланный в ГРУ с Лубянки, стал угрожать Шмелеву арестом за утрату бдительности, тот напомнил ему, что неоднократно докладывал о приезде Зорге, который до самого отъезда из Москвы почему-то так и не был принят. К тому же, в отличие от шефа, он, Шмелев, даже не подозревал, что у НКВД есть вопросы к Зорге. Начальник сообразил, что вся эта история чревата серьезными последствиями прежде всего для него самого, и предпочел ее замять, взяв со Шмелева слово, что никто (прежде всего «соседи» с Лубянки) не узнает, что «Рамзай» побывал в Москве.

В самом конце 1942 г. полковник Шмелев отправляется на фронт в качестве начальника разведотдела армии, а в 1943-м становится заместителем начальника штаба по разведке Южного фронта, которым командовал генерал армии (впоследствии маршал) Ф.И. Толбухин. По всей видимости, у Толбухина возникли какие-то претензии к начальнику фронтовой разведки, который в сентябре 1943 г. был отозван в Москву и назначен старшим преподавателем в Военную академию им. Фрунзе.

Преподавательская деятельность Шмелева продолжалась без малого двадцать лет. За это время он сумел подняться только до должности заместителя начальника кафедры. Здесь же, в академии, он защитил кандидатскую диссертацию.

Наконец, в 1962 г. полковник Шмелев был назначен на генеральскую должность начальника Высших академических курсов при Военной академии им. Фрунзе. С этой должности он и вышел в запас в 1969 г., так и не получив желанные генеральские погоны, обещанные ему тогдашним министром обороны СССР маршалом А.А. Гречко, старым приятелем Шмелева по учебе в академии в середине 30-х годов. По всей видимости, производству в генералы помешал все тот же «пятый пункт».

В феврале 1969 г., по протекции своего давнего сослуживца З.В. Литвина, ставшего к тому времени ученым секретарем ИМЭМО, Михаил Самойлович приходит в Институт на должность младшего научного сотрудника в сектор военно-политических проблем международных отношений. В ИМЭМО, где он проработает двадцать три года, Шмелев займется изучением внешней и военной политики Китая, а одновременно будет читать лекции по линии общества «Знание». Окончательно он выйдет на пенсию в 1992 г., после чего уедет в США к обосновавшемуся там сыну.

К тому же довоенному поколению «дальневосточников» из ГРУ принадлежал и полковник Борис Натанович Добровинский. Он родился в 1912 г.

в г. Прилуки Черниговской губернии. Его отец и мать были рабочими на местной махорочной фабрике. Вступив в комсомол, Борис Добровинский в течение года работал в аппарате окружкома ЛКСМУ в родном городе, а затем полтора года учился в фабрично-заводском училище (ФЗУ).

В 1931 г. он отправляется в Москву и поступает на физический факультет МГУ. Правда, проучился он там только два с половиной года. В феврале 1934-го Добровинского, вступившего в 1932 г. в ВКП(б), мобилизовали на учебу в Московский Институт востоковедения. Способный к языкам студент-физик (Добровинский успел освоить английский и французский языки) вызвал интерес у военной разведки, которая и организовала ему «партийную мобилизацию» в Институт востоковедения. В 30-е годы Дальний Восток привлекал к себе самое пристальное внимание советского руководства, считавшего, что наибольшая угроза для безопасности СССР исходит от Японии. Именно по этой причине здесь была сформирована самая мощная военная группировка — Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия (ОКДВА). По этой же причине в спешном порядке готовились кадры военных разведчиков со знанием японского и китайского языков.

Добровинский был зачислен в японский сектор Института востоковедения, где в течение полутора лет интенсивно осваивал японский язык. В это же время здесь учился и Я.А. Певзнер, с которым Добровинскому предстоит вторично встретиться через тридцать лет в стенах ИМЭМО. По окончании учебы в июле 1935 г. Добровинский был направлен в один из отделов ГРУ, занимавшихся Японией.

В 1937—38 годах ГРУ, как и другие управления Наркомата обороны, подверглось жестоким репрессиям, потеряв практически весь свой руководящий состав. Места репрессированных заняли молодые, еще неопытные сотрудники. Среди них и Борис Добровинский. В 1939 г., прослужив в ГРУ всего четыре года, он уже был в звании старшего политрука (капитана). Перед войной Добровинскому дважды доводилось бывать в служебных командировках в Китае, где, среди прочего, он занимался организацией подрывной работы среди остатков военизированных формирований атамана Семенова в Харбине. Впоследствии он рассказывал о том, что в ГРУ едва ли не все руководящие работники знали (и не только от Зорге) о предстоящем нападении Германии на СССР. Однако эта информация решительно отвергалась на самом верху, т.е. Сталиным.

«18 июня 1941 года, — вспоминал Добровинский, — я доложил начальнику ГРУ о том, что от нашего человека из Гонконга получено сообщение: нападение Германии на СССР дело дней. Немцы заняли исходные позиции для массированного удара по всей границе. Агент надежный. Считаю необходимым доложить тов. Сталину». Голиков (тогдашний начальник ГРУ. — П.Ч.) ответил: «Тов. Сталин приказал мне, чтобы такого рода английскую гезу (дезинформацию. — П.Ч.) я ему не докладывал»¹.

¹ Цит. по: Певзнер Я.А. Вторая жизнь. М., 1995. С. 437.

Успешная карьера Добровинского в ГРУ продолжалась до конца 40-х годов, пока не началась охота на «космополитов» и «сионистов»¹. В 1950 г. его уволили из ГРУ и отправили служить в Сибирский военный округ, где он преподавал политэкономия в военных училищах и учебных центрах. В 1961 г. помощник начальника Тюменского инженерно-командного училища полковник Добровинский, отслужив необходимые для получения пенсии 25 календарных лет, демобилизовался из армии.

Вернувшись в Москву, он поступил на работу в сектор технико-экономических исследований Института народов Азии АН СССР в качестве младшего научного сотрудника, где занимался изучением военной экономики Японии. Знание трех языков и навыки, в свое время приобретенные в ГРУ, оказались востребованы в мирной жизни полковника запаса Добровинского. В 1965 г. он защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук, а два года спустя перешел на работу в ИМЭМО, где продолжал изучать японскую экономику, но уже в более широких рамках. В 1975 г. Добровинский опубликовал солидную монографию «Япония: проблемы эффективности экономики», а в 1977 г. защитил докторскую диссертацию, став высококвалифицированным специалистом по проблемам эффективности производства и научно-технического прогресса развитых стран Запада (особенно Японии). В последние годы жизни Б.Н. Добровинский работал консультантом в отделе экономических проблем научно-технического прогресса и управления. Он умер в декабре 1993 г.

Заметное положение в ИМЭМО занимали два бывших полковника ГРУ послевоенной поры — кандидат военных наук Павел Дмитриевич Тарабаев и кандидат исторических наук Николай Сергеевич Кишилов.

Первый пришел в Институт в 1974 г. с генеральской должности начальника Направления в ГРУ. В ИМЭМО он сменил д.и.н. В.М. Кулиша, создателя и первого заведующего сектором военно-политических проблем международных отношений. Этим сектором Тарабаев руководил в течение четырех лет, а затем работал в нем как ведущий научный сотрудник до ухода на пенсию в 1982 г.

Выпускник Военного института иностранных языков и Военно-дипломатической академии Н.С. Кишилов долгие годы работал в центральном аппарате ГРУ и в советских военных миссиях за границей. В конце 60-х — начале 70-х годов он принимал участие в советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений.

¹ Добровинский, многократно заполняя анкеты, не скрывал, что его бабушка по линии матери и пять ее дочерей (т.е. его теток) еще в 1913 г. эмигрировали из России в США. С тех пор, как уверял Добровинский, никаких сведений о них он не имел. Эта информация, как и «пятый пункт» самого Добровинского, привлекли внимание кадровиков ГРУ лишь в 1950 г., когда в СССР развернулась антисемитская кампания. В результате его убрали из разведки. Допущенная в отношении него несправедливость и очевидное понимание им ответственности Сталина за репрессии 30-х годов и неподготовленность СССР к войне с Германией тем не менее не повлияли на твердые убеждения полковника Добровинского. По словам хорошо его знавшего Я.А. Певзнера, Добровинский *«был и остался сталинистом»* // Певзнер Я.А. Указ соч. С. 437.

С ИМЭМО Кишилов был связан еще с 1968 г., когда защитил там кандидатскую диссертацию на тему «Ракетно-ядерное оружие в планах ФРГ». Год спустя эта диссертация была им опубликована в издательстве «Международные отношения» в виде монографии «Атомная ставка Бонна» (под псевдонимом Николаев).

Выйдя в отставку, Кишилов в 1978 г. приходит в ИМЭМО на должность ведущего исследователя в сектор международно-политических проблем Европы, а в 1982-м сменяет д.и.н. Меламида на посту заведующего этим сектором. За шесть лет его руководства в секторе был подготовлен ряд аналитических записок по различным европейским проблемам, а также публикации в открытой печати, в том числе коллективная монография¹. Одновременно Кишилов работал над докторской диссертацией, однако резко ухудшившееся состояние здоровья не позволило ему завершить работу. В 1990 г. он вынужден был уйти с заведования сектором, а два года спустя вышел на пенсию и вскоре умер.

В разные годы в ИМЭМО работали бывшие высокопоставленные военные дипломаты, которые, как известно, во всех странах являются легальными представителями своих разведок за рубежом.

Первым из них в Институт пришел контр-адмирал в отставке Николай Алексеевич Питерский². Службу в ВМФ он начал еще в 1925 г., пройдя путь от курсанта военно-морского училища до помощника начальника Главного штаба ВМФ и советского военно-морского атташе в США. За его плечами было командование дивизионом торпедных катеров на Тихоокеанском флоте, затем участие в Гражданской войне в Испании в качестве старшего советника командующего республиканским флотом³, участие в советско-финской войне, служба на руководящих постах на Балтийском флоте и в Главном морском штабе. В 1942 г. Питерский был направлен в США, где до декабря 1944 г. руководил Отделом конвойной службы (вооружение советских судов, обучение команд обращению с оружием, инструктаж капитанов о порядке хождения в конвоях и т.д.). С марта 1945 г. и до окончания войны он командует Белградской военно-морской базой Дунайской флотилии, а затем Пинской базой Днепровской флотилии. В послевоенные годы контр-адмирал Питерский проходит службу на руководящих постах в Главном штабе ВМФ, участвует в переговорах с США по ленд-лизу (1949 и 1951 гг.) и в Лондонской конференции по проблеме Суэцкого канала (1956). С сентября 1958 по сентябрь 1959 г. контр-адмирал Н.А. Питерский — советский военно-морской атташе в США.

Уйдя в отставку, кандидат военно-морских наук Питерский в январе 1961 г. пришел на работу в ИМЭМО, где занимался изучением вопросов сокращения вооружений и разоружения. Он умер в январе 1971 г.

¹ Западноевропейская интеграция: политические аспекты / Отв. ред. к.и.н. Н.С. Кишилов. М., 1985.

² Сведения о нем есть в справочнике по истории ГРУ. См.: *Лурье В.М., Кочик В.Я.* Указ. соч. С. 283 – 284.

³ За потопление вражеского крейсера в ночном бою Н.А. Питерский был награжден орденом боевого Красного Знамени.

С 1968 по 1973 г. в секторе военно-политических проблем международных отношений ИМЭМО работал кандидат военных наук, генерал-майор в отставке Нестор Семенович Солодовник. Он служил в военной разведке с 1936 г.¹ Перед войной он был заместителем начальника 2-го («китайско-синьцзянско-го») отделения 2-го отдела ГРУ.

В период сражения под Москвой зимой 1941/1942 г. майор Солодовник — начальник разведотдела 20-й армии, которой в то время командовал генерал-майор А.А. Власов. За успешный разгром немецких войск на северо-западном направлении и освобождение Волоколамска и Солнечногорска Власов получил Орден Ленина, был произведен в генерал-лейтенанты и назначен заместителем командующего Волховским фронтом, а майор Солодовник — награжден боевым орденом.

Судьба уберегла майора. Власов не взял его с собой на Волховский фронт. Как известно, в июне 1942 г. 2-я ударная армия, которой в то время командовал Власов, была окружена и разгромлена, а сам командующий сдался в плен.

Что касается майора Солодовника, то он оставался в 20-й армии до сентября 1942 г., когда был отозван с фронта и отправлен в Египет в качестве представителя Красной Армии при штабе генерала Бернарда Лоу Монтгомери, командующего 8-й английской армией. Вместе со штабом Монтгомери, который в 1944 г. был произведен в фельдмаршалы и поставлен во главе группы союзных армий, высадившейся 6 июня в Нормандии, Солодовник, получивший в конце 1943 г. звание генерал-майора, принимал участие в кампаниях в Северной Африке и в Италии. Он представлял командование Красной Армии в Союзной контрольной комиссии в Италии (1944 г.).

В самом конце войны Солодовник возвращается в Москву и поступает на учебу в Академию Генерального Штаба, по окончании которой получает назначение на пост начальника управления в ГРУ. Через пять лет его переводят в Комитет информации при МИД СССР, где он становится одним из заместителей В.М. Молотова, тогдашнего главы МИД и председателя Комитета. В дальнейшем генерал Солодовник работает в системе ГРУ.

Его военная карьера завершилась в 1964 г., а в 1968-м он приходит в ИМЭМО на должность младшего научного сотрудника с ученой степенью.

Из характеристики Н.С. Солодовника (февраль 1969 г.):

«<...> За время работы в Институте занимался исследованием по теме: «Военно-экономические проблемы международных отношений в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане». За короткий срок показал себя как добросовестный, квалифицированный научный сотрудник. Сделал доклад на заседании Отдела международных отношений на тему: «Место Китая в современном мире и его реальное влияние на мировую политику». Привлекается к выполнению ответственных заданий дирекции. Активно участвует в общественной работе, пользуется уважением и авторитетом в коллективе. <....>»².

¹ См. Лурье В.М., Кочик В.Я. Указ. соч. С. 183—184.

² Личное дело Н.С. Солодовника // Архив ИМЭМО РАН.

Н.С. Солодовник был одним из авторов коллективной монографии «Военная сила и международные отношения», подготовленной сотрудниками сектора военно-политических проблем. В 1973 г. Солодовник из младшего был переведен в научные сотрудники, но вскоре окончательно вышел на пенсию и покинул ИМЭМО.

В Институте, помимо адмирала Питерского, работали еще два бывших военных атташе — генерал-майор Леонид Дмитриевич Немченко и контр-адмирал Александр Романович Астафьев.

Немченко пришел в ИМЭМО после демобилизации из армии в 1971 г. по приглашению Е.М. Примакова, тогдашнего заместителя директора Института¹.

Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней и до победы, офицер-артиллерист Немченко в 1945 г. поступил на учебу в Военно-дипломатическую академию, по окончании которой в 1949 г. получил назначение в центральный аппарат ГРУ. В 1954 г. он был назначен советским военным атташе в Египет, где стал свидетелем бурных событий, известных в новейшей истории как Суэцкий кризис. На его глазах стремительно развивалась политическая карьера Гамаль Абдель Насера — одного из участников антимонархической революции 1952 г., превратившегося в 1954 г. из вице-премьера в главу правительства, а в 1956 г. ставшего президентом Египта.

Вскоре после возвращения в 1958 г. из Египта Немченко получает назначение на пост советского военного атташе в Канаде, где он проработает ровно год. Затем в течение трех лет он служит в центральном аппарате ГРУ, последующие три года — в Военно-дипломатической академии в должности начальника факультета, а в 1966 г. его направляют военным атташе в Великобританию. Через три года он вернется в Москву и займется научной работой в Военно-дипломатической академии. В 1971 г. генерал-майор Немченко увольняется из Вооруженных сил.

В ИМЭМО он поначалу работает в секторе военно-политических проблем, а в конце 1974 г. возглавляет группу международно-политических проблем Ближнего Востока в отделе международных отношений. Создание этой проблемной группы объяснялось нарастанием нестабильности на Ближнем Востоке, пережившем в 1973 г. очередную арабо-израильскую войну, а также необходимостью исследовать политический аспект спровоцированного ближневосточным конфликтом энергетического кризиса, поразившего экономику многих стран Запада. Группа Немченко подготовила для Дирекции Института и для инстанций ряд материалов по своей тематике. Ближневосточной группой Немченко руководил в течение пяти лет, до своего окончательного ухода на пенсию в 1979 г.

Контр-адмирал запаса Александр Романович Астафьев пришел в ИМЭМО в середине 1974 г. из Главного штаба ВМФ, где одно время был помощником Главкома по разведке. На флоте Астафьев прослужил ровно сорок лет. Он был

¹ По всей видимости, они были знакомы с середины 50-х годов, когда журналист-международник Е.М. Примаков бывал в Египте, где Л.Д. Немченко работал в качестве советского военного атташе.

морским летчиком, штурманом на Тихоокеанском флоте, помощником, а затем военно-морским атташе при посольстве СССР в Италии (1948—1955). С 1955 по 1963 г. капитан 1-го ранга А.Р. Астафьев был заместителем начальника разведки ВМФ. В 1964 г. он назначается военно-морским атташе в США, где одновременно входит в Военно-штабной комитет ООН в качестве советского военного представителя. По возвращении из Вашингтона в 1967 г. Астафьев получает назначение на должность начальника Центрального командного пункта ВМФ¹.

В ИМЭМО Астафьев работал в должностях научного сотрудника и старшего исследователя в секторе военно-политических проблем, а затем в отделе военно-экономических и военно-политических исследований, занимаясь изучением морских вооружений стран НАТО, а также вопросов, связанных с советско-американскими переговорами об ограничении стратегических вооружений. Его работа в Институте продолжалась до ухода на пенсию в 1992 г. Он умер два года спустя.

В ИМЭМО были представлены и ветераны внешней разведки КГБ. Они, как и их бывшие «соседи» из ГРУ, активно трудились на новом поприще, а некоторые добились даже широкого научного признания.

Прежде всего это относилось к капитану запаса КГБ Степану Степановичу Салычеву. Он родился в 1928 г. в семье военнослужащего. В 1952 г. Салычев окончил факультет международных отношений МГИМО и был направлен во внешнюю разведку МГБ, где специализировался по Франции. В 1955 г. его под официальным прикрытием (как сотрудника ЮНЕСКО) направили в Париж. Первая же заграничная командировка молодого разведчика оказалась и последней. Через полтора года Салычев попал в поле зрения французской контрразведки и в 1957 г. вынужден был вернуться в Москву, где продолжил службу в центральном аппарате ПГУ КГБ². По его рассказам, заниматься ему там приходилось главным образом изучением текущей французской периодики, из которой, как говорил Салычев, можно было извлекать куда больше информации, нежели от иных агентов.

Служба была ему не в радость. Салычев мечтал о научной работе, но уйти из КГБ «по собственному желанию» было невозможно. Его непосредственный начальник, впоследствии сам перешедший на научную работу в систему АН СССР, понял и поддержал устремления своего подчиненного. В 1961 г. капитан Салычев увольняется в запас и поступает на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. По окончании учебы его в 1964 г. направляют в Прагу, в ре-

¹ См. Лурье В.М., Кочик В.Я. Указ. соч. С. 203—204.

² Впоследствии Салычев рассказывал, что однажды он обнаружил в своей парижской квартире «жучок», установленный, по всей видимости, французской контрразведкой. Он доложил об этом своему начальству, порекомендовав не трогать «жучок», чтобы не раскрыть себя окончательно. Салычев полагал, что это может быть не более чем профилактическая проверка, а дома он с женой «ни о чем таком», разумеется, не говорит. Однако начальство решило иначе. «Жучок» был снят, а Салычев, таким образом, «засветился». Разумеется, вину за провал молодого разведчика переложили на него самого.

дакцию созданного А.М. Румянцевым журнала «Проблемы мира и социализма», из которого вышли такие известные впоследствии люди, как академик Г.А. Арбатов, Е.А. Амбарцумов, А.С. Черняев, Ю.Ф. Карякин и др.

Сальчев проработал в Праге два года, а в 1966 г. пришел в ИМЭМО на должность заведующего сектором политических проблем антимонополистической борьбы. Тогда же, в 1966 г., он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1972-м — докторскую. В 1973 г. выйдет в свет монография С.С. Сальчева «Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами 1921 — 1940».

В ИМЭМО Сальчев вырастет в одного из ведущих советских франковедов, авторитетного специалиста в области социально-политических проблем современной Франции и международного рабочего движения¹. Человек широких взглядов и передовых убеждений, он будет избран руководителем партийной организации ИМЭМО. Осенью 1972 г. Сальчев неожиданно вынужден будет уйти из Института. Его уход в определенной степени был вызван тем, что один из его ближайших сотрудников (Дмитрий Симис) подал заявление на выезд в США².

Казалось бы, причем здесь Сальчев? Другому руководителю, быть может, и простили бы, но только не «утратившему бдительность» капитану запаса КГБ, к тому же энергично продвигавшему Симиса, талантливого молодого ученого. Отъезд Д. Симиса был первым в ИМЭМО случаем эмиграции. К этому еще не успели привыкнуть и потому реагировали неадекватно.

Так или иначе, но в ноябре 1972 г. доктор исторических наук С.С. Сальчев перешел на работу в Институт всеобщей истории АН СССР, где трудился около десяти лет. В мае 1983 г., уже работая в редакции журнала «Коммунист», Сальчев скоропостижно скончался.

В 1982 г. в ИМЭМО появилась И.П. Шадрина, другой ветеран внешней разведки КГБ. По окончании МГИМО она работала в системе Внешторга, а также в научно-исследовательских институтах ГКНТ и АН СССР. В ИМЭМО она занялась германской проблематикой и в 1988 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на актуальнейшую в то время тему о взаимоотношениях ФРГ и ГДР. Затем ее научные интересы сосредоточились на исследовании роли Социнтерна в современных международных отношениях. Энергичная и работоспособная Шадрина была назначена заместителем заведующего отделом международных отношений, избиралась секретарем первичной партийной организации. В Институте она проработала до конца 1991 г.

В середине 1988 г. в отдел международных отношений пришел молодой подполковник запаса КГБ Абдулазиз Хафизович Камиров. Он сразу же приобрел в коллективе всеобщие симпатии добрым нравом и отзывчивостью. До прихода в Институт он окончил Высшую школу КГБ и Дипломатическую

¹ В 1972 г. французские власти впервые после 1957 г. позволят С.С. Сальчеву приехать в Париж в научную командировку по линии АН СССР.

² Об этой истории еще будет рассказано.

академию МИД СССР, свободно владел арабским и английским языками, отслужил двадцать лет во внешней разведке, работая в странах Ближнего Востока. Без отрыва от службы Камиллов подготовил и в 1980 г. успешно защитил в Институте востоковедения АН СССР кандидатскую диссертацию. Его карьера разведчика завершилась в мае 1988 г., когда Камиллову было всего сорок лет. Можно предположить, что причиной этого стало его родство с Шарафом Рашидовым, кандидатом в члены Политбюро, 1-м секретарем ЦК Компартии Узбекистана, в 1983 г. покончившим жизнь самоубийством. Камиллов был женат на дочери Рашидова. При Михаиле Горбачеве т.н. «узбекское» («хлопковое») дело, начатое еще Юрием Андроповым, получило новое развитие; оно живо обсуждалось в перестроечных СМИ. По всей видимости, именно это обстоятельство и побудило тогдашнее руководство КГБ избавиться от зятя Рашидова, хотя сам подполковник Камиллов имел безупречную репутацию.

Помнивший Камилова по защите диссертации в Институте востоковедения академик Е.М. Примаков в трудную минуту поддержал его, пригласив высококвалифицированного арабиста в ИМЭМО, где тот занялся изучением комплекса ближневосточных вопросов и проблемы исламского фундаментализма.

Никто, включая Камилова и Примакова, не мог и предположить, что в недалеком времени им придется встречаться на официальных переговорах в качестве руководителей внешнеполитических ведомств Узбекистана и России.

Абдулазиз Камиллов проработает в ИМЭМО до января 1992 г., когда покинет Москву и уедет в Ташкент по личному приглашению Ислама Каримова, бывшего 1-го секретаря ЦК Компартии Узбекской ССР, ставшего президентом суверенного Узбекистана. Президент Каримов доверит профессиональному разведчику Камиллову организацию узбекских спецслужб, а затем назначит его министром иностранных дел Узбекистана. В отделе международных отношений ИМЭМО Азиз Камиллов оставил о себе добрую память.

В 1969 г. в ИМЭМО промелькнул полковник внешней разведки КГБ Конон Трофимович Молóдый, он же Гордон Лонсдейл¹. С 1955 по 1961 г. он возглавлял нелегальную резидентуру в Англии. В результате предательства Молодой был раскрыт и в январе 1961 г. арестован английской контрразведкой. Суд приговорил его к 25 годам тюремного заключения, но в 1964 г. Молодого обменяли на Гревилу Винна, связного Олега Пеньковского, расстрелянного в 1963 г. по приговору суда за шпионаж в пользу Англии и США. Судьба Молóдо-го—Лонсдейла легла в основу художественного фильма «Мертвый сезон», снятого Саввой Кулишом в 1970 г. После возвращения на родину Молóдый продолжал работать во внешней разведке КГБ, где вскоре впал в немилость из-за критических оценок советской действительности. Он уже всерьез подумывал о том, чтобы уйти со службы в КГБ и заняться научной работой в области меж-

¹ См. о нем: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. 1945—1965 годы. М., 2003. С. 177—191.

дународных отношений. Молодой пришел в ИМЭМО и договорился там о сдаче экзаменов кандидатского минимума, необходимого для защиты диссертации. Он успел даже сдать один или два экзамена, но в октябре 1970 г. внезапно умер, собирая в лесу грибы.

Драматично сложилась судьба другого советского агента, работавшего впоследствии в ИМЭМО. Она до сих пор остается до конца не проясненной.

Анатолий Павлович Котлобай появился в ИМЭМО в январе 1973 г., когда был зачислен на должность и.о. старшего научного сотрудника сектора сводного прогнозирования.

Уроженец кубанского города Усть-Лабинска, сын замученного оккупантами подпольщика, Анатолий Котлобай в 1942 г. подростком был депортирован немцами в концлагерь в окрестностях г. Эссена, откуда был освобожден американцами. В 1947 г. из американской оккупационной зоны он выезжает в США и поступает на химический факультет университета штата Теннесси. По окончании учебы Котлобай работает в промышленно-химических и научных центрах, связанных с ракетно-ядерной сферой, т.е. с Министерством обороны США. С 1958 г. Котлобай заведовал отделом в фирме, занимавшейся разработками в области ракетного топлива. Тогда-то он и привлек к себе внимание советской разведки, один из представителей которой — Олег Калугин — завербовал соотечественника.

Работа Котлобая на внешнюю разведку КГБ продолжалась до 1965 г., когда он, опасаясь разоблачения, вынужден был бежать в СССР, где его устроили в один из НИИ Министерства химической промышленности.

Со временем научные интересы Котлобая переместились в сферу изучения экономических аспектов научно-технического прогресса в ведущих западных странах, что и обусловило его переход на работу в ИМЭМО.

В Институте он проработал менее пяти лет. Неожиданный арест Котлобая поразил его коллег, припомнивших, что перед арестом он проявлял нарастающую нервозность. Он сетовал, что его в чем-то подозревают, сомневаются в его лояльности, но он не знает, в чем дело.

Котлобай был арестован за незаконные валютные операции и осужден по статье 88-й УК РСФСР на восемь лет лишения свободы. Для человека, почти два десятилетия прожившего в США, обвинение в «незаконной валютной сделке» было, видимо, чем-то малопонятным. Вряд ли он мог усматривать преступление в том, что продал кому-то имевшиеся у него доллары (или купил их?). Но тогдашний закон смотрел на это иначе. В результате бывший агент КГБ оказался в Нижнекамской колонии в Татарии. По-видимому, Котлобай имел основания полагать, что всей этой историей и последующим восьмилетним сроком он обязан чекистам, заподозрившим его то ли в двойной игре, то ли в мистификации. Во всяком случае всеильный КГБ не пошевелил и пальцем, чтобы спасти своего бывшего агента от ареста, суда и тюрьмы.

Как стало известно после крушения советской власти, Котлобая действительно подозревали в том, что он давал внешней разведке КГБ неверные сведения о составе топлива, использовавшегося американцами для запуска

ракет. Оставалось неясным — делал ли он это по собственной инициативе или по заданию ФБР—ЦРУ? Под подозрение попал и его вербовщик Олег Калугин, дослужившийся до генерал-майора, начальника Управления внешней контрразведки ПГУ КГБ. Котлобай, по всей видимости, не знал, что его патрон генерал Калугин впал в немилость, отлучен от дел разведки и отправлен в Ленинград в качестве первого заместителя начальника областного УКГБ.

В лагере Котлобай не сломался, добиваясь условно-досрочного освобождения. В сентябре 1983 г. начальник «Учреждения УЭ-148/4», где отбывал наказание Котлобай, обратился в Дирекцию ИМЭМО с уведомлением о возможности условно-досрочного освобождения осужденного А.П. Котлобая, который *«показал себя с положительной стороны», «участвует в общественной жизни отряда и колонии»* и *«правильно понимает мероприятия политико-воспитательного характера»*.

В своем уведомлении начальник колонии отмечал, что осужденный Котлобай *«взаимоотношения среди осужденных строит правильно, в обращении с администрацией вежлив, по характеру спокоен»*. *«Направляя заявление гр. Котлобай А.П. в соответствии со статьей 47 Основ Исправительно-трудового законодательства Союза ССР и Союзных республик (ст. 104 ИТК РСФСР), — говорилось в уведомлении начальника колонии, — просим обсудить его на общем собрании и положительно решить вопрос о трудовом устройстве и принятии гр. Котлобай А.П. на дальнейшее воспитание в Вашем коллективе»*¹.

К обращению было приложено заявление Котлобая в Дирекцию ИМЭМО о приеме его на работу после освобождения².

Получив эти два документа, Дирекция ИМЭМО передала их на заключение курировавшему Институт представителю КГБ, который вынес отрицательный вердикт. На имя начальника Учреждения УЭ-148/4 был направлен официальный ответ следующего содержания:

«В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1962 г. № 441 замещение вакантных должностей научных сотрудников в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР осуществляется только по конкурсу. К конкурсу допускаются научные сотрудники, имеющие научные труды по тематике исследований Института, при этом принимаются во внимание политические и моральные качества кандидатов, а также возможность получения ими допуска к работе с закрытыми источниками.

Осужденный Котлобай А.П. этим требованиям не удовлетворяет. По нашему мнению, Котлобаю А.П. целесообразно рекомендовать после

¹ Архив ИМЭМО РАН.

² *«В связи с моим условно-досрочным освобождением, — писал Котлобай, — прошу Вас, пожалуйста, рассмотреть возможность моего возврата на работу в Институт»* // Там же.

освобождения пойти на работу по специальности на одно из предприятий химической промышленности»¹.

Сейчас эта позиция Дирекции ИМЭМО может показаться негуманной по отношению к своему бывшему сотруднику. Но она станет понятнее с учетом того, тяжелого для Института времени. В 1982 г. ИМЭМО подвергся идеологическим гонениям, потеряв своего директора (Н.Н. Иноземцева) и лишившись нескольких ведущих научных сотрудников, вынужденных искать работу на стороне. Над ИМЭМО все еще висел дамоклов меч угрожающего постановления проверочной комиссии ЦК, МГК КПСС и КГБ, вскрывшей в Институте проявления «ревизионизма» и «потерю бдительности». Об этом еще будет рассказано. А.П. Котлобай, разумеется, ничего не знал о том, что произошло в ИМЭМО, иначе, наверное, он не стал бы просить о возвращении в Институт.

КГБ и ГРУ не только делегировали в ИМЭМО своих бывших сотрудников или «действующих резервистов», но, по всей видимости, изредка подбирали себе там нужные кадры. Впрочем, спецслужбы занимались этим во многих советских учреждениях и организациях, начиная с вузов.

Достоверно можно говорить лишь об одном случае формального перехода научного сотрудника ИМЭМО в спецслужбу. Речь идет о Евгении Павловне Кассировой, имя которой стало известно в связи с бегством Светланы Аллилуевой из СССР в декабре 1966 г.

Кассирова пришла в отдел международных отношений ИМЭМО в ноябре 1956 г. после окончания учебы на экономическом факультете МГУ, где она специализировалась на отделении экономики стран Востока. В ИМЭМО Кассирова успела написать и защитить диссертацию по теме «Политика США в Индии (1947—1963 гг.)». Получив ученую степень кандидата исторических наук, двадцатидевятилетняя Евгения Кассирова сразу же перешла на работу в КГБ. Чем она там занималась, разумеется, неизвестно. Ее имя неожиданно всплыло в иностранной прессе в январе 1967 г., после того как Светлана Аллилуева, отпущенная в Индию для захоронения праха своего неофициального мужа, индийского коммуниста Баджеша Синкха, лечившегося и умершего в Москве, «выбрала свободу», отказавшись вернуться в СССР. Выяснилось, что по линии КГБ Аллилуеву в ее поездке в Индию сопровождала Евгения Кассирова, неосмотрительно «потерявшая» там свою подопечную. Бегство Аллилуевой, по всей видимости, перечеркнуло карьеру Кассировой в КГБ. Ее или уволили в запас, или отправили в «действующий резерв». Во всяком случае с весны 1967 г. Кассирова уже работала в одной из советских неправительственных организаций, а затем перешла на работу в Институт США и Канады АН СССР. Говорили, что она умерла в середине 90-х годов.

Рассказ о ветеранах разведки, работавших в ИМЭМО, не был бы полным без упоминания двух имен — Дональда Маклэйна и Джорджа Блейка. Именно

¹ Архив ИМЭМО РАН.

их принадлежность к Институту давала основание некоторым на Западе, особенно в Англии, неоправданно тесно связывать ИМЭМО с КГБ, как об этом говорил упоминавшийся уже лорд Роупер.

Дональд Маклэйн

Один из участников знаменитой «кембриджской пятерки» Дональд Маклэйн¹ пришел на работу в ИМЭМО 6 июля 1961 г. под именем Марка Петровича Фрейзера. Однако в Институте быстро поняли, кто он на самом деле. В зарубежных средствах массовой информации, начиная с 1951 г., когда Маклэйн вынужден был бежать в СССР спасаясь от ареста, часто писали о нем. За десять истекших с того времени лет на Западе было опубликовано несколько книг о Маклэйне и его кембриджских товарищах — Киме Филби и Гае Берджессе, агентах советской внешней разведки. Разумеется, многие сотрудники ИМЭМО, бывая на Западе, были знакомы с этими публикациями.

Из автобиографии Дональда Маклэйна, написанной им в 1972 г.:

«Родился 25 мая 1913 года в Лондоне, Англия. Отец, шотландского происхождения, был юристом и политическим деятелем от партии либералов. Он занимал пост министра просвещения Англии в 1931—1932. Умер в 1932 г. Мать умерла в 1964 г. в Англии. Старший брат погиб на войне в 1942 г. Второй брат умер в Новой Зеландии в 1970 г. Сестра и младший брат живут в Англии.

Я учился в платной средней школе-интернате 1920—1931 и в Кембриджском университете 1931—1933. Вступил в Коммунистическую партию Великобритании студентом в 1932 г. Учился в Лондонском университете 1933—1934 гг. По образованию — специалист по Франции и Германии. В 1934 г. вступил в английскую дипломатическую службу, в которой служил до 1951 г. Служил заведующим отделом США МИД Англии. С 1948 г. имел ранг советника.

Женился в Париже 10 июня 1940 г. в период службы в английском посольстве в Париже на Марлинг Мелинге, американского гражданства. Сыновья родились в 1944 и 1946 гг. в Нью-Йорке, США в период службы в английском посольстве в Вашингтоне. Дочь родилась в Лондоне в 1951 г.

Приехал в СССР в 1951 г. Жена и дети — в 1953 г. По просьбе компетентных инстанций принял фамилию Фрейзер Марк Петрович...»².

О работе Д. Маклэйна на советскую внешнюю разведку известно теперь достаточно много³. Поэтому здесь нет необходимости подробно ее освещать.

¹ Его фамилия по-русски имеет несколько написаний — Маклин, Маклейн и Маклэйн. Сам он писал — «Маклэйн», поэтому я буду придерживаться именно этого написания.

² Личное дело Д.Д. Маклэйна (М.П. Фрейзера) // Архив ИМЭМО РАН.

³ См. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933—1941 годы. М., 1997. С. 40—49; Т. 5. 1945—1965 годы. М., 2003. С. 77—88.

Сын видного британского политика Дональд Маклэйн, увлекавшийся коммунистическими идеями, стал агентом советской разведки в августе 1934 г., при посредстве своего студенческого приятеля Кима Филби, в свою очередь, завербованного в июне того же года¹. Сам Маклэйн впоследствии объяснял свое решение отчетливо сознававшейся им нарастающей угрозой фашизма. Он видел, что правительство его страны не только не понимает всю степень этой угрозы, но даже пытается заигрывать с нацистской Германией и фашистской Италией. К тому же в самой Англии в то время наблюдался подъем фашизма².

На этом фоне, омраченном глубоким экономическим кризисом, поразившим ведущие страны Запада, Советский Союз имел еще весьма привлекательный имидж в глазах европейских интеллектуалов, многие из которых воспринимали СССР как свою вторую родину. Маклэйн вспоминал, с каким огромным успехом в Англии проходили гастроли Камерного театра Таирова, показавшего новое, революционное искусство, разительно отличавшееся от мещанских поделок, ставившихся на английской сцене. Именно со знакомства с передовым советским искусством того времени (театром Таирова и Мейерхольда, авангардной живописью и конструктивистской архитектурой) началось приобщение юного Дональда к идеям коммунизма. Его симпатии к стране Советов, которую студент Маклэйн воспринимал в значительной степени идеалистически, крепили по мере того, как он осознавал, что СССР — единственное государство в Европе, способное остановить фашизм. В этом смысле согласие Маклэйна работать на советскую разведку было осознанным и искренним. Это подтверждает и один из близких друзей Маклэйна.

Из воспоминаний Джорджа Блейка:

«Важно понять причины, по которым Дональд согласился работать на советскую разведку. В то время, когда он был завербован, когда на советскую разведку стали работать другие члены «кембриджской пятерки», все они видели свой долг в том, чтобы помочь Советскому Союзу, потому что они видели в нем единственную надежду на лучшее будущее человечества в условиях подъема фашизма в Германии. Они видели, что западные державы не в состоянии остановить этот процесс. Все их надежды были обращены на Советский Союз, обладавший необходимой мощью. Следует вспомнить, что начало 30-х годов — это еще и время глубокого кризиса капитализма, породившего массовую безработицу. Дональд и его соратники, как выходцы из благополучных и даже богатых семей, чувствовали себя виноватыми, ответственными за нищенскую жизнь большинства людей. Они были совестливые люди, и по этой причине готовы были посвятить свои жизни светлomu, как им казалось, будущему других людей. Это будущее они связывали с Советским Союзом, с идеями коммунизма»³.

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С.31, 41.

² Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932 – 1940 гг.). СПб., 2001.

³ Запись беседы с Джорджем Блейком 22 ноября 2001 г.

После окончания учебы в университете Маклэйн намеревался заняться изучением истории христианства (он усматривал много общего между христианскими и коммунистическими идеалами), а одновременно активно работать в коммунистическом движении Британии. Однако в Москве иначе смотрели на дальнейшую карьеру перспективного агента из верхушки британского общества.

Маклэйну было настоятельно рекомендовано выйти из компартии и постараться устроиться на службу в Министерство иностранных дел Англии, где он мог рассчитывать на блестящую карьеру.

В 1934 г. Маклэйна зачисляют в Форин офис, откуда в Москву вскоре начинает поступать ценная информация, нередко докладывавшаяся самому Сталину. В 1938 г. Маклэйна отправляют секретарем английского посольства в Париж. Там он получает возможность собирать дополнительную информацию от своих французских и американских коллег-дипломатов. Это был критический для всего мира период предвоенного кризиса и последовавшей за ним «странной войны», завершившейся разгромом Франции и эвакуацией остатков англо-франко-бельгийских войск под Дюнкерком в начале июня 1940 г.

Накануне вступления немцев в Париж Маклэйн возвращается в Лондон, где возобновляет работу в центральном аппарате британского МИД. В 1944 г. его назначают 1-м секретарем английского посольства в Вашингтоне, где он проработает до 1948 г., после чего поедет в Каир в ранге советника посольства. Все это время он активно снабжает советскую разведку ценной информацией.

В 1950 г. Маклэйн получает назначение на должность руководителя Американского отдела Форин офис. В этом качестве ему приходится заниматься согласованиями позиций двух стран в связи с начавшейся войной в Корее, а также по вопросу возможного использования американского атомного оружия для удара по Северной Корее. Полученная в это время от Маклэйна информация имела первостепенное значение для Москвы, которая была в курсе всех планов и намерений США и Англии в отношении КНДР.

В мае 1951 г. Маклэйн попал под подозрение, о чем был вовремя предупрежден Кимом Филби, одним из руководителей британской разведки (МИ-6). Предупреждение о грозящем аресте побудило Маклэйна искать убежище в Советском Союзе. Вместе с Маклэйном в Москве оказался и Гай Берджесс, сотрудник британской секретной службы (СИС), а затем МИД, завербованный советской разведкой с помощью Маклэйна еще в 1935 г. В Англии и США разразился громкий скандал.

В Москве Маклэйн пробыл недолго. Тогдашний глава МГБ СССР С.Д. Игнатьев распорядился «в целях безопасности» отправить Гая Берджесса и Дональда Маклэйна, срочно переименованного в Марка Фрейзера, в закрытый для посещения иностранцев г. Куйбышев (Самара). Там Маклэйн-Фрейзер и Берджесс оказались в полной изоляции, наедине со своими невеселыми мыслями и появившимися сомнениями. А в это время в западных СМИ фантазировали, будто Маклэйн консультирует Сталина и Вышинского по вопросам внешней политики, сидя в предоставленном ему роскошном кабинете — то ли на Лубянке, то ли на Смоленской.

Чтобы как-то занять внезапно вырванного из привычной среды дипломата-разведчика, Куйбышевское УМГБ трудоустроило Маклэйна, не говорившего по-русски, в местный пединститут преподавателем английского языка. Приезд в 1953 г. жены и детей, несомненно, облегчил положение страдавшего от одиночества Маклэйна. Три с лишним года, проведенные в Куйбышеве, были, наверное, самыми тяжелыми в его жизни. Непосредственное знакомство с жизнью советской глубинки лишило его многих иллюзий, а разгоравшаяся тогда в СССР кампания борьбы с «буржуазными космополитами и сионистами» вызывала у выпускника Кембриджа, убежденного интернационалиста Маклэйна недоумение, перераставшее в возмущение. Постепенно он приходит к выводу о персональной ответственности Сталина за творимые в стране преступления и за неприглядную в своей нищете и убогости жизнь советских людей¹.

Смерть вождя в марте 1953 г. была воспринята Маклэйном с надеждой на перемены к лучшему. Действительно, новое советское руководство взяло курс на реформы, люди начали дышать свободнее. Но в положении самого Маклэйна ничего не менялось. Он по-прежнему томился в куйбышевской ссылке, общаясь главным образом с местными чекистами.

Наконец, летом 1955 г. ему разрешили обосноваться в Москве, предоставили хорошую по тем временам квартиру в центре столицы, на Большой Дорогомиловской улице, небольшую дачку в мидовском поселке Чкаловский, и даже трудоустроили консультантом в недавно созданный журнал «Международная жизнь», официоз МИД СССР.

Здесь он встречает двух своих будущих друзей — Д.Е. Меламида и А.А. Галкина, с которыми впервые за годы пребывания в Советском Союзе получает возможность свободно обсуждать интересующие его вопросы международной и внутренней общественно-политической жизни. В журнале Маклэйна — Фрейзер консультирует редакцию и авторов по английской проблематике, а также пробует перо журналиста-международника под очередным псевдонимом С. Мадзоевский.

С искренним воодушевлением воспринял Маклэйна XX съезд и развенчание «культы личности» Сталина, которого считал предателем дела социализма. Он надеялся на развитие процесса десталинизации и демократизации советского режима. Еще в 1951 г., оказавшись в СССР, Маклэйна попытался восстановить свое членство в компартии Великобритании, прерванное по настоянию его кураторов из внешней разведки НКВД. Однако ему этого не позволили, как не позволили вступить в ВКП(б). И только в 1956 г., после XX съезда партии, Марка Петровича Фрейзера приняли в ряды КПСС.

¹ Первые сомнения в отношении Сталина у Маклэйна появились в августе 1939 г., когда был заключен советско-германский пакт о ненападении. Маклэйна было тяжело травмировано соглашением Сталина с Гитлером, которое он приравнивал к предательской мюнхенской политике Чемберлена и Далада. По убеждению Маклэйна, сближение Сталина с Гитлером «обусловило катастрофические и почти роковые последствия для Советского Союза и для всех народов Европы». — Из предсмертных записей Д. Маклэйна // «Мировая экономика и международные отношения», 1990, № 11. С. 107.

Когда в начале 1961 г. Д.Е. Меламид переходил на работу в ИМЭМО, где ему предстояло возглавить европейский сектор, он уговорил своего друга последовать за ним, поставив перед Маклэйном амбициозную и вместе с тем достойную цель — стать ведущим и, главное, официально признанным советским экспертом по вопросам внешней политики Англии. Меламид обещал решить вопрос о трудоустройстве в ИМЭМО с А.А. Арзумяном, а Маклэйну предстояло убедить «товарищей» из КГБ в необходимости его перехода в Институт. Окончательное же право принятия такого решения принадлежало ЦК КПСС.

Из письма президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова в ЦК КПСС от 2 марта 1961 г.:

«В Президиум Академии наук СССР обратился директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР с просьбой разрешить зачислить на должность старшего научного сотрудника Института тов. ФРЕЙЗЕРА М.П., работающего в настоящее время консультантом в Отделе европейских капиталистических стран журнала «Международная жизнь».

Тов. ФРЕЙЗЕР — шотландец, родился в 1913 г. в Лондоне. Окончил Кембриджский университет. С 1933 г. состоял членом Коммунистической партии Великобритании. В 1952 г. приехал в Советский Союз и принял Советское гражданство. В июне 1956 г. был принят в члены КПСС.

Учитывая глубокие знания экономики, внутренней и внешней политики Англии, а также практический опыт и высокий научный уровень опубликованных работ ФРЕЙЗЕРА, Академия наук СССР просит разрешить зачислить его в порядке перевода на должность старшего научного сотрудника Института с окладом 400 рублей.

Согласие на его перевод со стороны редакции журнала «Международная жизнь» имеется»¹.

Обращение президента АН СССР по «делу тов. Фрейзера» было рассмотрено в отделе науки и в Международном отделе ЦК, получившими соответствующую визу КГБ. 11 апреля 1961 г. член Президиума, секретарь ЦК КПСС Н.А. Мухитдинов и секретарь ЦК КПСС О.В. Куусинен наложили положительную резолюцию на представление руководства двух отделов — «Согласиться»².

После завершения всевозможных формальностей Марк Петрович Фрейзер 6 июля 1961 г. приступил к работе в ИМЭМО. Он сразу же включился в исследовательскую работу по английской и европейской проблематике, на ходу осваивая русский литературный язык. Поначалу он писал свои работы по-английски, но постепенно перешел на русский. Одновременно с написанием статей, глав и разделов в коллективные труды Маклэйн работал над

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее везде: РГАНИ. — П.Ч.). Ф. 5. Оп. 35. Д. 173. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**Личный листок
по учету кадров**

1. Фамилия Маклейн

имя Дональд отчество Дональдович

2. Пол м 3. Год число и м-ц рождения 1913 25 мая

4. Место рождения Лондон, Англия
(село, деревня, город, район область)

5. Национальность шотландец 6. Соц. происхождение из эмигрантов

7. Партийность чл. КПСС партстаж: Москва 1956 партбилет № 07214055-06139068
(место и год вступления) и зарплата

8. Состоите ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета нет

9. Образование высшее

(Название учебного заведения [и его местонахождение])	Факультет или отделение	Год поступ- ления	Год оконча- ния или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате с окончания учебного заве- дения, указать № дип- лома или удостоверения
<u>Кембриджский университет Англия</u>	<u>Исторический</u>	<u>1931</u>	<u>1933</u>	—	<u>специалист по французскому и испанскому языкам</u>

10. Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете английский (свободно)
французский (свободно), немецкий (чуждо)
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объясниться, владеете свободно)

11. Ученая степень, ученое звание доктор исторических наук.

12. Какие имеете научные труды и изобретения автор книги "Внешняя политика
Англии после Суэца" Лондон. 1970. М. 1972 и ее около 50-ти
в виде глав и отдельных статей по теме "Внешняя политика
Англии" (под псевдонимом С. Маджневски)

Служебная анкета Дональда Маклейна. (Архив ИМЭМО РАН)

кандидатской диссертацией «Проблемы внешней политики Англии на современном этапе», которую успешно защитил осенью 1969 г. Ученый совет ИМЭМО счел, что характер и содержание этой фундаментальной работы далеко выходят за рамки, предусмотренные для диссертаций кандидатского уровня. Такого же мнения придерживались и официальные оппоненты. В результате тайного голосования Ученый совет ИМЭМО единогласно присудил Маклейну ученую степень доктора исторических наук. Год спустя эта

диссертация была опубликована в виде монографии в Англии¹, а затем и в СССР².

Постепенно Д. Маклэйн расширял тематику своих исследований, занявшись изучением политических аспектов интеграционного процесса в Западной Европе, взаимоотношениями в «треугольнике» Лондон — Париж — Бонн, отношениями объединяющейся Западной Европы с США, СССР, Китаем и Третьим миром. Он непреременный участник многих коллективных работ ИМЭМО по этой проблематике. Его статьи (под псевдонимом С. Мадзоевский) часто публиковались в журналах «Мировая экономика и международные отношения» и «Международная жизнь». У Маклэйна появляются ученики из числа выпускников МГИМО и МГУ, специализирующиеся по современной Англии.

Его друг и соратник Д.Е. Меламид, «переманивший» Маклэйна на научную работу, мог быть полностью удовлетворен. К началу 70-х годов Дональд Маклэйн превратился в ведущего советского политолога-англоведа, одного из самых авторитетных специалистов по проблемам Западной Европы. К его компетентным оценкам и рекомендациям прислушивались и в Международном отделе ЦК КПСС, и в МИД СССР. Аналитические записки Маклэйна направлялись в самые высокие инстанции, включая Л.И. Брежнева и А.А. Громыко.

В Дирекцию Института МЭМО, АН СССР.
от.
Ст. науч. сотр. Фрейзера. М. П.

Заявление

Прошу вернуть название мое под фамилией
Маклэйн Дональд Дональдович.

Фрейзер
16. VI. 72.

Пр. Б от 19. VII. 72

Дональд Маклэйн возвращает себе свое подлинное имя.
(Архив ИМЭМО РАН)

¹ Maclean Donald. British Foreign Policy since Suez. London, 1970.

² Маклэйн Дональд. Внешняя политика Англии после Суэца / Пер. с англ. М., 1972.

Еще с конца 60-х годов он уверенно предсказывал неизбежное вхождение Англии в ЕЭС, вопреки мнению большинства аналитиков, настаивавших на приоритете для Лондона возглавляемой им ЕАСТ¹ и «особых отношений» с США. Маклэйн активно отстаивал идею формирования в лице Западной Европы нового «центра силы», автономного от «американского империализма». Он, как и Д.Е. Мелаид, уже в начале 70-х годов настоятельно рекомендовал директивным инстанциям всерьез отнестись к процессу политической интеграции Западной Европы, отказаться от устаревших представлений о возможности и впредь решать все важные вопросы европейской политики отдельно с Лондоном, Парижем или Бонном, не считаясь с тенденцией к согласованию внешнеполитических курсов в рамках ЕЭС. Он считал необходимым, чтобы советская дипломатия развивала диалог с европейскими институтами в Брюсселе и Страсбурге в перспективе неизбежного, как он полагал, установления официальных отношений между СССР и ЕЭС. Маклэйн был убежденным и последовательным сторонником политики разрядки.

Долгие годы он добивался от руководства КГБ возвращения себе своего подлинного имени и фамилии. В конечном счете его настойчивость возымела действие.

16 июня 1972 г. он направляет в Дирекцию ИМЭМО заявление следующего содержания: *«Прошу впредь числить меня под фамилией Маклэйн Дональд Дональдович»*. В последний раз он подписывается как Фрейзер².

19 июня заместитель директора Института Е.М. Примаков издает приказ № 6, в котором говорится:

«Ст. научного сотрудника ФРЕЙЗЕРА Марка Петровича впредь числить под фамилией, именем и отчеством МАКЛЭЙН Дональд Дональдович»³.

Свое 60-летие, тепло отмеченное в Институте в мае 1973 г., Д. Маклэйн встретил под собственным именем.

ПРИКАЗ

по Институту мировой экономики и международных отношений
АН СССР № 249

г. Москва

«25» мая 1973 г.

Исполнилось 60 лет доктору исторических наук, ведущему исследователю ИМЭМО Дональду Дональдовичу МАКЛЭЙНУ.

¹ Европейская ассоциация свободной торговли — торгово-экономическая организация, созданная в 1960 г. по инициативе Великобритании в противовес ЕЭС. Помимо Англии, в нее вошли Австрия, Дания, Норвегия, Португалия, Швейцария, Швеция и Исландия. Впоследствии Англия и Дания, вступившие в ЕЭС, вышли из ЕАСТ.

² Личное дело Д.Д. Маклэйна (М.П. Фрейзера) // Архив ИМЭМО РАН.

³ Там же.

Товарищ МАКЛЭЙН пользуется большой известностью и авторитетом как видный ученый международник, крупнейший специалист по внутренней и внешней политике Англии. Его работы представляют собой глубокий марксистско-ленинский анализ сложных международных проблем. Экспертные оценки, прогнозы, аналитические записки Д.Д. МАКЛЭЙНА принесли большую пользу науке и практике.

Честный, чуткий и отзывчивый коммунист Д.Д. МАКЛЭЙН снискал всеобщее уважение в нашем коллективе. Он известен как человек высоких моральных качеств и принципиальности. Д.Д. МАКЛЭЙН проявляет большую активность в воспитании молодых кадров в духе лучших традиций марксистско-ленинской науки.

Дирекция, партком и местком Института от всей души поздравляют Д.Д. МАКЛЭЙНА с юбилеем, желают ему доброго здоровья, многих лет плодотворной работы, дальнейших успехов на его творческом пути.

За большие заслуги в области изучения проблем международных отношений и воспитания молодых кадров ученых-международников ПРИКАЗЫВАЮ:

Объявить Д.Д. МАКЛЭЙНУ благодарность и премировать месячным окладом.

Директор Института

академик Н.Н. ИНОЗЕМЦЕВ¹.

По представлению Института, поддержанному Академией наук СССР, Д. Маклэйн в связи с 60-летием был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это был его второй орден, полученный теперь уже за мирный труд.

Первым (боевое Красное Знамя) он был награжден в ноябре 1955 г. Учтивая его выдающиеся заслуги перед СССР, единственный орден за 16 лет нелегальной работы на советскую внешнюю разведку многим казался очевидной несправедливостью. К тому же наградили его только спустя четыре года после вынужденного приезда в Советский Союз. Сталинский НКВД—МГБ явно не жаловал своих даже самых ценных агентов, ежедневно рискувавших жизнью.

У Маклэйна, видимо, были непростые отношения с КГБ. В тяжелейших условиях 16-летней нелегальной работы он до конца оставался верным своему добровольному выбору, сделанному в юности. Со временем он пришел к печальному выводу о расхождении своих коммунистических идеалов с советской действительностью. Как уже отмечалось, ответственность за грубое искажение марксизма, который сам он исповедовал до конца дней, Маклэйн возлагал сначала на Сталина, а потом на «клуб старых джентльменов», как он называл брежневское Политбюро. Маклэйн с надеждой встретил XX съезд партии, а потом болезненно переживал крушение своих надежд на обновление социализма, на его «очеловечивание».

¹ Личное дело Д.Д. Маклэйна (М.П. Фрейзера) // Архив ИМЭМО РАН.

Оказавшись в СССР, он никогда не скрывал своих взглядов и сомнений в отношении как хрущевского волюнтаризма, так и брежневского застоя. Он не раз поднимал свой голос в защиту инакомыслящих, подвергавшихся преследованиям КГБ. Особое негодование Маклэйна вызывало использование психиатрии для борьбы с инакомыслием.

Когда 29 мая 1970 г. в г. Обнинске был арестован и помещен в калужскую психиатрическую больницу известный диссидент, биолог Жорес Медведев, Маклэйн, знавший обоих братьев Медведевых — Жореса и Роя, обратился с личным письмом к председателю КГБ Ю.А. Андропову, указав ему на недопустимость подобных действий его подчиненных в отношении честного, искреннего и, безусловно, психически здорового человека. Действия калужских чекистов, по убеждению Маклэйна, роняли престиж Советского Союза за рубежом, в частности среди друзей СССР. Это мнение нашло подтверждение уже через несколько дней, когда в мире развернулась широкая кампания протеста в связи с «делом Жореса Медведева». Через две недели власти вынуждены были освободить Медведева из психбольницы¹.

В январе 1972 г. Маклэйн выступил с письмом в защиту осужденного на семь лет лагерей и пять лет ссылки правозащитника Владимира Буковского, протестовавшего против использования психиатрии для подавления диссидентского движения². Это письмо, как и предыдущее, было адресовано Ю. Андропову.

Маклэйн и впоследствии выступал в защиту тех, кого, как он считал, несправедливо преследуют. Буквально накануне смерти он найдет в себе силы заступиться за арестованных КГБ молодых научных сотрудников ИМЭМО, о чем будет рассказано в другом месте.

Он открыто возмущался позорной практикой лишения советского гражданства неугодных режиму лиц — А.И. Солженицына, М.Л. Ростроповича, Г.П. Вишневской и др., а также ссылкой академика А.Д. Сахарова в г. Горький.

Принципиальная позиция заслуженного ветерана советской разведки в вопросе борьбы с инакомыслием вряд ли могла получить одобрение в 5-м («идеологическом») главке КГБ, занимавшемся политическим сыском. При этом, надо отметить, Маклэйна глубоко уважали во внешней разведке.

Из воспоминаний Джорджа Блейка:

«Он, конечно, был человеком со своими взглядами, строгим в оценках, и в этом смысле тоже — настоящим коммунистом. Он осуждал в советской действительности все то, что не соответствовало его представлению о коммунизме и об интернациональном обществе. Как известно, одна из причин, по которой он начал сотрудничать с советской разведкой, состояла в том, что он испытывал ненависть к фашизму, крайнему национализму, антисемитизму и милитаризму. Всю свою жизнь, где бы он ни находился, если он видел признаки этих болезней, то очень твердо выступал про-

¹ В 1973 г. Ж. Медведев эмигрирует в Великобританию.

² В декабре 1976 г. Буковский был обменен на освобожденного Пиночетом из тюрьмы лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана и выслан в Англию, где и обосновался.

тив любых их проявлений. Поэтому, особенно в последние годы, были случаи, когда он совсем не соглашался с официальной политикой»¹.

Растущее беспокойство у Маклэйна, начиная с 1976 г., вызывали действия советского руководства, подрывавшие едва достигнутую, но неустойчивую разрядку международной напряженности. Развертывание ядерных ракет средней дальности в Европейской части СССР вскоре после подписания Заключительного акта Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе, вмешательство в вооруженные конфликты на Африканском континенте (Ангола, Мозамбик, Эфиопия и др.) и военная интервенция в Афганистане, усиление давления на восточноевропейских союзников в связи с политическим кризисом в Польше и усилившиеся идеологические нападки КПСС на «еврокоммунизм» — все это глубоко травмировало Маклэйна, продолжавшего свято верить в дело социализма.

Из воспоминаний друга Маклэйна, Джорджа Блейка:

«Я помню, что когда советским руководством было принято решение о размещении в европейской части СССР ядерных ракет средней дальности (СС-20), вызвавшее ответное развертывание в Западной Европе американских «Першингов», Дональда попросили написать статью с обоснованием правильности действий СССР. Он ответил на это предложение: «Я отказываюсь принимать участие в антисоветской пропаганде».

Он считал, что решение о развертывании ракет СС-20 было ошибочным и наносило большой вред интересам СССР. Вообще он видел много ошибок в действиях советского руководства, наносивших ущерб государственным интересам страны, и никогда не скрывал свое несогласие с неправильными решениями»².

В 70-е годы существовала обязательная для всех членов КПСС подписка на партийную периодику. Маклэйн выписывал много газет и журналов, но категорически отказывался от навязываемого ему «Коммуниста». Мотивируя отказ, он говорил: *«Я с удовольствием подпишусь на этот журнал, но не раньше, чем он поднимет свой низкий уровень»³.*

Коллегам из ИМЭМО Маклэйн запомнился как человек не только демократических убеждений, но и не менее демократичных привычек. Заядлый курильщик, он имел возможность получать недоступные советским людям «Мальборо» или «Кэмел», но признавал только дешевые сигареты «Дымок», крепчайший табак которых отпугивал все живое. Обедать он ходил не в соседний ресторан «Золотой колос», а в расположенную рядом с ИМЭМО пельменную, которую не всякий «эмэнэс» рисковал посещать, даже будучи очень голодным. Он был одинаково вежлив и приветлив с академиком и с аспирантом.

¹ Запись беседы с Джорджем Блейком.

² Там же.

³ Из личных воспоминаний автора.

В середине 70-х годов у него появляются первые признаки тяжелого онкологического заболевания. Время от времени он ложился в больницу, где проходил курсы лечения. Врачи сумели замедлить течение болезни, подарив Маклэйну еще семь лет жизни. Все эти годы он продолжал интенсивно работать. *«Вместо того чтобы стать алкоголиком, я стал трудоголиком (workholic)»,* — шутил Маклэйн¹.

В это же время он старался устроить будущее своих детей. Отчетливо сознавая, что доживать ему придется в полном одиночестве, Маклэйн добивался для двоих сыновей и дочери, а также любимой внучки, в которой души не чаял (все они были советскими гражданами), разрешения на выезд из СССР. В конечном счете ему это удалось. На родину в США вернулась и жена Маклэйна Мелинда. Теперь он мог считать, что выполнил свой последний долг перед семьей.

Вспоминает Джордж Блейк:

«Часто говорят, что семья оставила его наедине с тяжелой болезнью (раком предстательной железы). Это не совсем так. Дональд всегда страдал от чувства своей вины перед женой и детьми, которым он, из-за работы на советскую разведку, совершенно изменил всю их жизнь. Ведь его семья могла рассчитывать совсем на другую жизнь. Мелинда, например, зная о работе Дональда на советскую разведку, при других обстоятельствах могла бы быть супругой британского посла в Соединенных Штатах или во Франции, а их дети — получить соответствующее воспитание. Все они не чувствовали себя полностью счастливыми в Советском Союзе, — может быть, за исключением младшей дочери, которая выросла здесь. Конечно же, они хотели бы жить на своей родине. При этом, надо сказать, что все дети получили в СССР хорошее образование, что помогло им найти в Америке и Англии хорошие места. Советская система образования была не так плоха, как теперь утверждают некоторые. Одним словом, на Западе у детей Дональда не было проблем с трудоустройством»².

Летом 1982 г. Маклэйн отправился в путешествие по Волге на теплоходе «Климент Ворошилов», однако внезапное обострение болезни вынудило его прервать поездку. Он был эвакуирован с теплохода, доставлен в Москву и госпитализирован в ЦКБ, откуда будет еще ненадолго выходить, а потом опять туда возвращаться.

Из воспоминаний Джорджа Блейка о последних днях Маклэйна:

«Последнее время я бывал у него почти ежедневно. Еще за день до смерти он был на ногах, писал какую-то большую работу. 6 марта 1983 года он почувствовал себя очень плохо и мы вызвали скорую помощь. Дональд был доставлен в Кремлевскую больницу, куда в свое время, еще в начале болезни,

¹ Запись беседы с Джорджем Блейком.

² Там же.

его устроил Примаков. С тех пор он неоднократно лежал там — то месяц, то три недели. В тот последний раз я сопровождал его в клинику. Дональд оделся сам. В это время выяснилось, что лифт почему-то не работал. Мы посадили его на стул и вместе со стулом вынесли во двор, усадив в машину скорой помощи. В больнице его приняли и отвезли в палату, а я вернулся к себе домой, сказав, что приду его навестить 8 марта. Когда в назначенный день я пришел в ЦКБ, то на проходной не оказалось пропуска на мое имя. Ничего не сумев выяснить, я вынужден был вернуться домой, а на следующий день узнал, что еще 7 марта Дональд умер. В последний день он уже потерял сознание, и с ним никого не было, кроме врачей»¹.

После похорон, организованных Институтом, где он проработал без малого двадцать два года, прах Маклэйна был доставлен для захоронения в семейную усыпальницу в одном из пригородов Лондона.

Он умер убежденным коммунистом-интернационалистом, о чем свидетельствуют записи, сделанные им за два года до смерти, весной 1981 г. В этих предсмертных «соображениях» предельно откровенно выражены не только жизненное кредо Маклэйна, но и его вера в дело социализма, на обновление которого он надеялся до последней минуты².

Из предсмертных записей Д. Маклэйна:

«В моем представлении Советский Союз — это социалистическое общество, общество, развивающееся на качественно новой базе отношений собственности, общество, которое в переживаемый нами исторический период создало такой потенциал для обеспечения благосостояния и счастья людей, каким капиталистический строй не обладает. Я продолжаю считать, что Октябрьская революция ознаменовала собой такой же радикальный и необратимый поворот на долгом пути перехода человеческого общества от капитализма к социализму, какими были Английская революция XVII в. и Французская революция XVIII в. на не менее долгом пути перехода от феодализма к капитализму. <...>

Вместе с тем это такое общество, в котором сохраняется глубокий разрыв между потенциальными возможностями его социалистической базы и практическим их претворением в жизнь.

Причиной разрыва является то обстоятельство, что после ухода Ленина и его соратников — этих кромвелей, пимов и хэмпденов Русской революции — и особенно после массового уничтожения советской интеллигенции во второй половине 30-х годов политический и культурный уровень правящей элиты, этой верхушки настройки, оказался чрезвычайно низким. <...> По существу, правящая элита временами в таких широких масштабах дей-

¹ Запись беседы с Джорджем Блейком.

² Эти записи были переданы им своему другу Джорджу Блейку незадолго до смерти и впоследствии опубликованы. См.: Провидческий голос из времен застоя // МЭ и МО, 1990, № 11. С. 101 — 110.

ствовала вопреки интересам советского общества, что можно без большого преувеличения утверждать, что социалистический строй в этой части мира выжил, несмотря на низкий уровень руководства и его деяния, подобно тому как капитализм пережил возвращение Стюартов в Англии, Бурбонов и двух наполеоновских империй во Франции. <...>

Как мне представляется, практическая деятельность нынешнего руководства и сопровождающие ее последствия свидетельствуют о неуклонной тенденции к замене поисков путей реализации энергии общества, которым оно правит, стремлением сохранить свою собственную власть. В частности, оно продемонстрировало твердую решимость воспрепятствовать как у себя в стране, так и за ее пределами (Чехословакия, 1968 г.) осуществлению гавно назревших реформ в окостенелых политических и социальных структурах Советского Союза и других европейских социалистических государств. <...>

Повторяю, это не означает, что советское общество более не продвигается вперед, — оно продвигается. Однако главным тормозом его поступательного движения теперь служит олигархический консерватизм руководства. <...>

Вместе с тем я полагаю, что... Советский Союз вынужден будет рано или поздно стать на путь, предлагаемый еврокоммунистами. В эпоху XX съезда мы уже на протяжении нескольких лет быстро продвигались в этом направлении и, возможно, в наступающем десятилетии нам предстоит снова наблюдать нечто подобное. <...>

Этот сравнительно оптимистический взгляд (кстати, отнюдь не разделяемый большинством моих грузей) базируется отчасти на историческом прошлом, и отчасти на анализе современной обстановки в СССР. Прожив и проработав здесь в последние годы сталинского террора и в эру XX съезда, я на собственном опыте убедился в том, что такие перемены возможны, что советская разновидность социализма содержит в себе мощный потенциал созидательных реформ. <...>

В этой стране непосредственная инициатива созидательных преобразований скорее всего будет исходить не извне высших эшелонов партийно-государственной иерархии, как в сегодняшней Польше, а изнутри, как это имело место в Китае, Венгрии и в ходе «пражской весны».

Я предвижу, что после неизбежного ухода в отставку нынешней правящей узкой группы по мотивам возраста и здоровья рано или поздно последует довольно значительный сдвиг внутри структуры власти в пользу группы руководителей более высокого политического, культурного и интеллектуального уровня. <...> Мне представляется наиболее вероятным, что в следующие 5 лет в результате благоприятных изменений в высшем руководстве мы окажемся свидетелями улучшения политического, культурного и интеллектуального климата в Советском Союзе в разворачивании целого комплекса реформ, которые затронут самые важные сферы жизни советского народа. <...>

Одним из важнейших элементов изложенной здесь концепции является убеждение в том, что советский народ не только не воспротивится конст-

руктивным переменам, а, напротив, готов к таким переменам в гораздо большей степени, чем когда-либо прежде в истории страны. <...>».

Дональду Маклэйну, к сожалению, не суждено было дожить до точно предсказанной им горбачевской перестройки. К счастью, ему не довелось увидеть и последующее крушение его заветной мечты о социализме «с человеческим лицом». Судьба уберегла его от этого удара¹.

Джордж Блейк

16 сентября 1974 г. в сектор международно-политических проблем Европы ИМЭМО был зачислен на работу новый научный сотрудник. Его звали Георгий Иванович Бехтер. Под этим именем в Советском Союзе с конца 1966 г. проживал другой знаменитый советский разведчик — Джордж Блейк².

Сын офицера британской армии и голландской подданной Джордж Бихар (фамилию Блейк он взял только в 1943 г.) родился в г. Роттердаме в 1922 г. Его отец, получивший тяжелые отравления газами во время Первой мировой войны рано умер, и воспитанием мальчика занималась мать. В период немецкой оккупации Голландии Джордж принимал участие в движении Сопротивления в качестве связного, в 1942 г. был арестован оккупационными властями, но сумел освободиться. Через Францию и Испанию он бежал в Гибралтар, а оттуда перебрался в Англию, где поступил на службу в королевский военно-морской флот, где получил звание старшего лейтенанта. В конце войны его переводят в разведку. Блейк работает в Голландии и в Германии, а в 1948 г. его направляют в Южную Корею под видом британского вице-консула. В действительности он возглавляет там резидентуру СИС. Вскоре после начала Корейской войны Блейк попал в руки северных корейцев, временно оккупировавших Сеул, и, несмотря на его дипломатический статус, был помещен в лагерь военнопленных. В лагере Блейк впервые знакомится с марксистской литературой и увлекается марксизмом. В 1951 г. он добровольно предлагает свои услуги советской разведке.

По возвращении в 1953 г. в Англию Блейк возобновляет свою работу в МИ-6 и начинает передавать в Москву ценную информацию. Так, он заблаговременно раскрыл планы СИС и ЦРУ в Западном Берлине, где в 1954 г. был прорыт полукилометровый тоннель к подземному кабелю, соединявшему Восточный

¹ *«Я не представляю, как бы он это перенес, — говорит Блейк, — хотя, наверное, перенес бы, так как был очень мужественным и к тому же философски мыслящим человеком. И все же я думаю, что по ходу событий, так как они развивались, он понял бы, что действительно эту систему нельзя было реформировать. По моему личному мнению, в том самом «клубе старых джентльменов», как называл Дональд брежневское Политбюро, это прекрасно понимали, и по этому ничего не меняли, ничего не трогали» (запись беседы с Джорджем Блейком).*

² См о нем: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. 1945–1965 годы. М., 2003. С. 212–221.

Берлин и Москву. Подключение англо-американских спецслужб к этому секретному каналу телефонной связи оказалось бессмысленным, так как советские связисты имели достаточно времени, чтобы наладить связь в обход кабеля, прослушивавшегося СИС и ЦРУ. В 1956 г. шпионский лаз был официально «обнаружен» советскими военными связистами, после чего разразился международный скандал. Американская и британская разведки еще в течение пяти лет, до самого ареста Блейка, не знали, что их хитроумная задумка с тоннелем стала известна КГБ еще на стадии ее разработки. В действительности в течение всего периода прослушивания СИС и ЦРУ получали дезинформацию.

Блейк был арестован в апреле 1961 г., когда работал в Бейруте в качестве резидента МИ-6 на Ближнем Востоке. Его разоблачению способствовал побег на Запад одного из руководящих работников польской военной разведки, тесно сотрудничавший с ГРУ и кое-что знавший об истории с берлинским тоннелем.

Блейк был приговорен к 42 годам заключения в лондонской тюрьме Уормвуд-Скрабс, откуда в 1966 г. сумел бежать и перебраться в СССР¹. Его заслуги перед Советским Союзом были отмечены орденами Ленина, боевого Красного Знамени и другими государственными наградами. Впоследствии он получит звание полковника СВР — Службы внешней разведки России.

На исходе 1966 г. началась новая, теперь уже московская, жизнь Джорджа Блейка, превратившегося в Георгия Ивановича Бехтера. Специальным указом Президиума Верховного Совета СССР ему было дано советское гражданство.

Из опубликованных воспоминаний Дж. Блейка:

«Я часто глумал, легче или тяжелее мне привыкать к жизни в Советском Союзе, попав сюда прямо из тюрьмы. С одной стороны, после долгого заключения всегда трудно адаптироваться к свободе и нормальному существованию. Сделать же это в совершенно по-иному устроенном обществе может оказаться еще труднее. С другой стороны, если бы я приехал в Советский Союз прямо из Бейрута, как вполне могло случиться, контраст был бы еще более разительным, что создало бы для меня лишние сложности. Уормвуд-Скрабс по-своему оказалась для меня чем-то вроде шлюза, облегчившего переход и смягчившего неожиданности. После тюрьмы было просто замечательно вставать по утрам и планировать день по своему усмотрению, идти, куда захочешь... Благодаря этому низкий уровень жизни и прочие недостатки советского общества становились не столь уж неприемлемыми»².

Надо сказать, Блейк с самого начала сделал единственно правильный в его новом положении выбор — постараться полностью интегрироваться в советской действительности, несмотря на все ее неприглядные, особенно для иностранца, стороны. В отличие от подавляющего большинства своих коллег из чис-

¹ Все это подробно описано самим Джорджем Блейком в его воспоминаниях // Блейк Джордж. Иного выбора нет. М., 1991. В настоящее время он заканчивает работу над вторым изданием своих воспоминаний.

² Там же. С. 274 — 275.

ла иностранцев, работавших на советскую разведку, так и не сумевших найти себя в СССР, ему это удалось в полной мере. Огромный запас жизнелюбия и оптимизма, широкие взгляды на жизнь, чуждые какого-либо доктринерства, максимализма и нетерпимости, наконец, добрый нрав и расположение к людям — все это позволило Георгию Ивановичу не только выжить в суровом советском «климате», но и стать полноценным гражданином своей новой родины¹.

В значительной степени, по признанию самого Блейка, этому способствовал его приход в ИМЭМО, где он обрел новую профессию — исследователя современных международных отношений.

Вспоминает Джордж Блейк:

«Через год или два, я точно не помню, после моего приезда в Москву возник вопрос о том, чем я буду здесь заниматься. Сначала мне предложили работать в качестве переводчика в издательстве «Прогресс». Так оно и вышло. Я почти два года работал там, переводил произведения Ленина на голландский язык. Это была своеобразная работа, потому что в основном я сидел дома, и раз в неделю отвозил перевод в издательство, проводил там несколько часов, а потом возвращался домой. И очень скоро я понял, что таким способом мне будет трудно войти в советскую жизнь. Тем не менее, я продолжал так жить и работать.

В это же время я близко познакомился с Кимом Филби, а через него и с Дональдом Маклэйном, который работал в ИМЭМО. Мы быстро подружились и между нами установились очень близкие, доверительные отношения. Он наблюдал мою жизнь и в скором времени сказал: «Так жить не годится. Я думаю, для тебя будет гораздо лучше, если ты придешь работать в наш Институт».

Сразу же возник вопрос, как это сделать. Маклэйн сказал, что поговорит обо мне с Иноземцевым и его заместителем Примаковым. «А ты, со своей стороны, поговори с Первым Управлением, с людьми, которые тебя курируют, попроси их помочь тебе с переходом».

Так и было сделано. Вскоре меня пригласили в Институт, где я познакомился с Иноземцевым. В другой раз вместе с Дональдом мы отправились к Евгению Максимовичу Примакову, который принял меня очень любезно. У нас состоялся обстоятельный разговор о том, чем бы я мог заниматься в Институте. В конце концов мы решили, что это будет Ближний Восток, где годом ранее произошла очередная арабо-израильская война.

По завершении беседы Примаков сказал, что Дирекция согласна принять меня в Институт, предложив работать в том самом Отделе, где уже работал Дональд»².

19 сентября 1974 г. исполнявший тогда обязанности директора ИМЭМО Е.М. Примаков подписал приказ, гласивший:

¹ В отличие от Дональда Маклэйна, Блейк никогда не ставил вопрос о возвращении ему его подлинной фамилии, предпочитая оставаться в России Георгием Ивановичем Бехтером.

² Запись беседы с Джорджем Блейком 22 ноября 2001.

«БЕХТЕРА Георгия Ивановича зачислить с 16 сентября 1974 г. в Отдел международных отношений на должность и.о. научного сотрудника с окладом 190 рублей в месяц с последующей аттестацией»¹.

В секторе Д.Е. Меламида на Блейка была возложена задача — изучать политику Европейского сообщества и его отдельных государств-членов на Ближнем Востоке, исследовать их подходы к мирному урегулированию ближневосточного конфликта, в рамках которого он специально исследовал палестинскую проблему².

В изучении ближневосточных проблем Блейк существенно обогатил исследовательский арсенал. Советские исследователи всегда смотрели на эти вопросы исключительно через призму противостояния «прогрессивного», казавшегося им однородным арабского национально-освободительного движения, «империалистическим силам реакции» и их союзнику — сионизму. Блейк впервые поставил вопрос о центробежных тенденциях в неоднородном арабском мире, о глубоких, порой неразрешимых противоречиях между арабскими государствами, не позволяющих им единым фронтом выступать против «заклятого врага» — Израиля. Задолго до ирано-иракской войны он обращал внимание на необходимость учета профессиональных различий в суннитско-шиитском арабо-исламском мире, приобретающих все более важное значение. В отличие от многих своих советских коллег-международников Блейк не идентифицировал политику США и Израиля на Ближнем Востоке, указывая на имеющиеся несовпадения их интересов. С первого дня советского военного вмешательства в Афганистане он не одобрял эту безумную акцию, хорошо представляя себе все ее пагубные последствия. Разумеется, в открытой печати он не мог в те годы свободно излагать свою точку зрения, но в закрытых материалах, адресованных в инстанции, Блейк, как и некоторые другие, наиболее смелые политологи ИМЭМО, в той или иной форме высказывал свои соображения по этому поводу.

В скором времени Блейк стал одним из ведущих экспертов ИМЭМО по ближневосточным делам. Проблема была лишь с публикацией его статей и других материалов. Редакторы застойных лет часто вставали в тупик от его непривычно свободной манеры изложения своих мыслей, часто не совпадавших с установками советской пропаганды. Русским языком Блейк овладел, но вот «птичий язык» советской печати оказался ему не по силам.

¹ Личное дело Г.И. Бехтера // Архив ИМЭМО РАН.

² См., например: *Бехтер Г.И.* Западноевропейская позиция в отношении ближневосточного конфликта // *Западная Европа на мировой арене*: Сб. Ч. 2. М., 1986. С. 263 — 288; он же. *Общность и различие в подходах западных империалистических держав в отношении конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке* // *Конфликты в «третьем мире» и Запад*: Сб. М., 1989. Им написана часть 6-й главы о региональных конфликтах в Средиземноморье в коллективной монографии «Страны Южной Европы в современном мире». М., 1989.

Вот что говорит о своей тогдашней работе сам Блейк:

«Я писал записки об эволюции ближневосточной проблемы, в частности по вопросу о палестино-израильских отношениях, об ирано-иракской войне. Иногда я принимал участие в заседаниях «круглого стола» по этим и другим вопросам. Но я не могу сказать, что моя научная работа была совсем уж успешной. Может быть, из-за того, что я всегда излагал свою личную точку зрения, не согласовывая ее с официальной позицией советского руководства. Обычно я отдавал свои записки моему начальнику (Д.Е. Меламиду), и их последующая судьба была мне неизвестна.

Я видел и писал о том, что США в отличие от СССР играет роль посредника между арабами и израильтянами, сохраняя хорошие отношения с обеими враждующими сторонами, хотя было ясно, что они больше поддерживали Израиль. И все-таки у них были довольно тесные связи и с арабским миром.

В моих записках я доказывал, что если Советский Союз хочет играть более существенную роль в разрешении ближневосточного конфликта, то он должен иметь нормальные отношения не только с одной стороной конфликта, т.е. с арабскими странами, но и с другой, т.е. — с Израилем. Я был убежден, что СССР никогда не сможет играть роль посредника на Ближнем Востоке, если будет поддерживать отношения только с одной стороной. Поэтому я выступал за восстановление и нормализацию отношений между Советским Союзом и Израилем.

Я настойчиво проталкивал эту идею. Очень хорошо помню мой разговор с Меламидом, который, как известно, был евреем, и уже по этой причине не мог столь откровенно предлагать начальству нормализовать отношения с Израилем. Будучи полностью со мной согласным, он считал, что будет лучше, если с подобной инициативой выступлю я, а не он. И я сделал это, так как исходил из глубокого личного убеждения в моей правоте. И я был очень рад, когда СССР восстановил дипломатические отношения с Израилем и получил дополнительные возможности влиять на развитие ближневосточного конфликта»¹.

В 1988 г. Блейк перешел на работу в отдел проблем разоружения², которым руководил доктор исторических наук А.Г. Арбатов. Здесь он начал заниматься новой проблематикой, одновременно помогая в научном редактировании проводимых в отделе исследований, переводившихся на английский язык.

Мягкий, доброжелательный характер Георгия Ивановича снискал ему искреннее расположение новых коллег, научных сотрудников ИМЭМО. Многие

¹ Запись беседы с Джорджем Блейком. Дипломатические отношения между СССР и Израилем, в одностороннем порядке разорванные советской стороной в 1967 г., были восстановлены только в декабре 1990 г. — П.Ч.

² Впоследствии этот отдел был преобразован в Центр международной безопасности ИМЭМО.

годы его избирали в профсоюзное бюро, где он занимался важным в эпоху дефицита и весьма хлопотным делом — распределением продовольственных «заказов». В свой день рождения (11 ноября) он всегда возвращался домой с букетами цветов, подаренных друзьями и коллегами. Его юбилеи (60, 70 и 80 лет) всегда тепло отмечались в научном коллективе Института.

Из приказа директора ИМЭМО академика Н.А. Симонии от 11 ноября 2002 г. в связи с 80-летием Г.И. Бехтера (Блейка):

<...> «За время работы в ИМЭМО он внес серьезный оригинальный вклад в научную деятельность Института, являясь крупным специалистом-международником. Георгий Иванович принял активное участие в подготовке и написании многочисленных научных трудов, аналитических записок, в выполнении программ Президиума Академии наук.

С 1988 г. и по настоящее время Г.И. Бехтер плодотворно трудится в Центре международной безопасности и является высококвалифицированным специалистом по проблемам региональной безопасности. Он автор ряда глав в Ежегоднике ИМЭМО «Разоружение и безопасность» и редактор этого издания на английском языке. Им проведен большой объем работ в связи с другими публикациями Центра на английском языке. Г.И. Бехтер является активным участником русского издания Ежегодника СИПРИ «Вооружения, разоружение и международная безопасность».

Обширные знания и работоспособность, интеллигентность, доброта и отзывчивость сделали Георгия Ивановича одним из наиболее уважаемых и любимых сотрудников нашего коллектива. <...>»¹.

В день 80-летия Блейка самодеятельный институтский поэт (В. Владимиров) посвятил ему небольшую поэму, в которой есть такие строки:

Весь Институт в едином междометии
Слился сегодня — все кричат: «Ура!».
У Джорджа Блейка — 80-летие,
И нам его приветствовать пора.

Вся жизнь его — созвездие мистерий,
И главной тайны не развеял дым:
Как, пережив крушение двух империй,
Он остается вечно молодым?

«Должен честно сказать, что приход в Институт был счастливейшим этапом в моей жизни, — говорит Блейк. — Если моя жизнь здесь угалась, то во многом из-за того, что я попал на работу в Институт. Я встретил там очень интересных людей, которые очень хорошо меня приняли, очень хоро-

¹ Личное дело Г.И. Бехтера (Блейка) // Архив ИМЭМО РАН.

шо ко мне относились. Я нашел там много грузей и добрых знакомых. Моя жизнь в Институте была интересной. Я общался с людьми, знавшими иностранные языки, бывшими хорошими экспертами по разным странам, особенно европейским. С ними у меня было много общего. Нас связали общие профессиональные интересы. Я не был членом коммунистической партии и особенно к этому не стремился, но я много работал в профсоюзе и это, надо сказать, дало мне интересные контакты, поскольку я еженедельно или раз в две недели занимался получением и распределением в отделе прогнвольственного пайка (заказов, как это тогда называлось). Кроме этого я занимался продажей марок и лотерейных билетов для благотворительных целей. В качестве члена профсоюзного бюро я помогал организовывать всевозможные праздники и юбилеи, а их тогда отмечали довольно часто. Я благодарен нашему коллективу за то, что чувствовал себя полноправным его членом, таким же, как и все — сотрудником этого Института»¹.

* * *

Итак, какой же ответ можно дать на поставленный в самом начале вопрос — был ли ИМЭМО «филиалом» советских спецслужб?

Ответ очевиден. ИМЭМО никогда не занимался разведывательной (или контрразведывательной) деятельностью. Его задача состояла в том, чтобы разрабатывать актуальные мирохозяйственные и международно-политические проблемы и давать соответствующие рекомендации партийно-государственному руководству СССР. Советские спецслужбы никогда не были в числе приоритетных заказчиков ИМЭМО, хотя, конечно же, имели возможность получать из Института все интересующие их материалы. Наличие в тысячном коллективе ИМЭМО десятка или даже двух десятков ветеранов советской разведки ничего не означало, кроме того, что, выйдя в отставку, они хотели продолжать активную жизнь и быть полезными своей стране уже в новом качестве. Для этих людей с глубокими знаниями зарубежной действительности Институт был привлекателен именно тем, что занимался изучением внешнего мира. Но все эти люди, как и остальные сотрудники, занимались в Институте исключительно научными исследованиями в области мировой экономики и политики.

Следует отметить и другое. Специфика ИМЭМО привлекала к его сотрудникам пристальное внимание контрразведки и особенно 5-го («идеологического») главка КГБ, занимавшегося политическим сыском. Изучение политических настроений в коллективе и у каждого из его членов составляло главную заботу «прикрепленных» к ИМЭМО представителей райотдела КГБ, выявлявших и «профилактировавших» потенциальных «антисоветчиков». О проявлениях инакомыслия в Институте будет рассказано в следующей главе. Результатом этой кропотливой чекистской работы был длинный список невыездных научных сотрудников ИМЭМО, о чем уже говорилось. Впрочем, такая работа велась КГБ во всех без исключения советских учреждениях и организациях.

¹ Запись беседы с Джорджем Блейком.